

ДОПРОС А. Н. ХВОСТОВА

17 июля 1917 года

Содержание: Назначение Хвостова министром внутренних дел. Отношение к Распутину. Отношение к Горемыкину. Отношение к Барку. Система сношений с Распутиным. Попытка удалить Распутина. Дело об оскорблении государыни и царских детей. Отношения с Вырубовой. Распутин и синод. Питирим и Распутин. Назначение Наумова. Князь Андроников и назначения по министерству внутренних дел. Борьба с Барком. Электрическое общество 1886 года. Гр. Татищев и желание Хвостова провести его в министерство финансов. Андроников и гр. Толстая. Назначение Штюрмера. Выдача Крупенскому 20 000 рублей. Штюрмер, Хвостов и 5 миллионов. 1 300 000 рублей на выполнение выборных и газетных планов Хвостова. Всеподданнейшие отчеты, уничтожение документов, роль Штюрмера.

Председатель. — Нам встретилась нужда в вашем вторичном допросе в виду того, что когда вы давали первое ваше показание, мы не владели всем материалом, который имеется теперь.

Хвостов. — Я должен только заранее просить извинения у комиссии, что я не могу настолько связно рассказать, как я, может быть, рассказывал в прошлый раз, потому, что со мной произошло печальное событие 3-го числа, которое меня лишило способности ясно и точно выражаться и припоминать. Я вам написал об этом событии. В один и тот же день я три раза очутился в смертельной опасности. Когда мне следователь что-нибудь напоминал, я припоминал, но очень смутно.

Председатель. — Мы все были в тяжелом положении в Петрограде. Изложите обстоятельства, при которых вы были назначены министром внутренних дел. Вы изволили рассказать внешнюю сторону этого назначения, но, оказывается, тут была и внутренняя сторона, которая вам великолепно была известна; о путях, которыми вы получили власть, и о тех лицах, через которых вы шли, нам и хотелось бы иметь от вас дополнительное объяснение.

Хвостов. — Ко мне было всегда хорошее отношение со стороны бывшего императора.

Председатель. — Это мы знаем. Вы сказали в Государственной Думе понравившуюся речь о немецком вопросе, это было, по тому времени, удачное выступление.

Хвостов. — Ко мне вообще и раньше относилась хорошо вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Председатель. — Но вам известно, что Мария Федоровна в последние годы, и, в частности, в тот год, когда вы были назначены министром внутренних дел, потеряла свое влияние на молодой двор?

Хвостов. — С ней считались в смысле назначений, хотя и были в дурных отношениях. Она меня называла своим и говорила, что нужно только принять меры, чтобы Александра Федоровна не препятствовала моему назначению, что она знает желание сына иметь меня в качестве министра внутренних дел.

Председатель. — Но вы прошли не через Марию Федоровну?

Хвостов. — Нет, я говорю вам подробности. Я стал предпринимать меры к тому, чтобы обезвредить Александру Федоровну.

Председатель. — Через кого вы предпринимали меры?

Хвостов. — В этом отношении способствовал мне князь Андроников. Так как я знал, что он имеет туда ход, то, познакомившись с ним у одного знакомого, сказал ему, что я не прочь. Так как они не знали, кто бы мог быть министром внутренних дел, то охотно пошли мне навстречу. Я воспользовался тем, что не было Распутина, и мне удалось быть представленным Александре Федоровне, с которой у меня был разговор, не помню — один или два раза. Она высказала, что против меня ничего не будет возражать, если охрана Распутина будет возложена на Белецкого. Я был представлен государю и назначен министром внутренних дел, при чем вся политическая часть, полиция и перлюстрационная часть были от меня взяты с самого начала. Мне было поставлено условием, чтобы эта часть была предоставлена Белецкому и чтобы он пользовался правами министра внутренних дел по отношению, к перлюстрационной части.

Председатель. — Нам нужно знать, каким образом составился триумvirат из Белецкого, князя Андроникова и вас для использования Распутина в ваших целях?

Хвостов. — Когда приехал Распутин, он отнесся неблагожелательно к моему назначению, по крайней мере, я так слышал. Потом его уговорили, быть может, Андроников и другие, что во мне ничего такого нет, что он может быть спокоен, тем более, что Белецкий его охраняет. Я пытался подойти ближе к Распутину и ко всем его окружающим, чтобы его узнать, чтобы выяснить их слабые стороны и с ним покончить. Белецкий стал обходить меня, окружать меня сыском, стараясь узнать, каким образом меня обезвредить так, чтобы я ничего не мог с Распутиным сделать.

Председатель. — Это одна сторона; вы расскажите, как вы углубили ваше влияние на Распутина и какой у вас был расчет на Распутина. Расскажите историю ваших внешних отношений к Распутину.

Хвостов. — Мне хотелось, по возможности, скорее с ним покончить, так или иначе от него отделаться.

Председатель. — Вы стремились к власти, вы получили портфель министра внутренних дел, но вы стремились стать и председателем совета министров и вели сложную политическую игру с Горемыкиным. Теперь нам эти факты известны и нас не удовлетворяют общие фразы, которыми мы сначала удовлетворялись. Мы знаем эти факты, но хотели бы слышать от вас о соотношении сил, ваших политических задачах и методах их осуществления.

Хвостов. — Я, действительно, стремился к власти, но не как таковой, а для того, чтобы провести свои взгляды. Будучи еще в Думе, я самым отрицательным образом относился к Горемыкину, политика которого, особенно во время войны, казалось мне, должна привести к неминуемому краху и концу.

Председатель. — Что же в политике Горемыкина было несоответственного с вашими взглядами?

Хвостов. — Мне казалось, что он ведет прямо к концу, потому что его политика — пережиток старого. Нельзя теперь, как я говорил в своей речи о немецком засильи, только приказывать, нужно справиться с немецким засильем и дороговизной, а тогда уже приказывать, и народ пойдет за властью. Это был лейт-мотив: нельзя только приказывать и действовать канцелярскими отписками и канцелярскими разглагольствованиями, нужно перейти на путь действий, опираясь на Думу и на настроение населения. Это настроение населения меня, главным образом, и занимало. Я видел, что настроение населения не зависит от той или другой канцелярской отписки Горемыкина. Я видел, как отражается его политика, как она отталкивает даже всех тех, кто был прежде за правительство, и я боялся, что все мы полетим в пропасть, если переменится форма правления. Поэтому мне хотелось стать не только на пост министра внутренних дел, но и на пост председателя совета министров, вообще, взять власть в свои руки, провести ту политику, которая мне казалась необходимой. Именно: борьба с дороговизной, составление плана распределения продуктов. Вообще вести это дело по методу европейскому, не палками вгонять людей в то или другое настроение и в поддержку правительства, а привлекать их известными культурными способами.

Председатель. — За пять месяцев вашего существования в качестве министра внутренних дел сделали вы что-нибудь, чтобы провести это в жизнь?

Хвостов. — Когда я вошел в совет министров, я увидел там, с одной стороны, мертвого Горемыкина и бывшего в его распоряжении А. А. Хвостова, его правителя канцелярии, с его чиновничьим укладом, который боготворил Горемыкина; с другой стороны, я увидел лиц, с которыми вел тогда борьбу Горемыкин.

Председатель. — Кого вы к ним причисляли?

Хвостов. — Кривошеин, Игнатьев, Поливанов и еще некоторые, постоянно колеблющиеся: князь Шаховской, зависящий от Распутина, Барк, который был проведен, как мне стало ясно, на должность министра финансов Манусом. У меня с Барком были дурные отношения после моей речи о немецком засильи, где я его всячески поносил, и мне казалось, что это человек немецкой складки, который мешал политике.

Председатель. — Вы хотели национализировать капитал, а он стоял на точке зрения интернационального капитала?

Хвостов. — Одним словом, у нас и раньше были дурные отношения в Думе. Таким образом, в совете министров были эти две партии — одна Горемыкин и Хвостов, а другая — Кривошеин и все остальные министры. Потом начался уход министров.

Председатель. — Уход — это не так просто. Позвольте вас просить вернуться к исходной точке. Повидимому, по существу вы вашей программы не развернули, потому что не успели за эти пять месяцев; но вы усиленно боролись с лицами?

Хвостов. — Я успел ее развернуть только в области печати своими интервью и другими действиями, о которых я буду упоминать дальше. Бороться сразу с Горемыкиным было нельзя. Нужно было прежде всего укрепиться в общественном мнении.

Председатель. — И во мнении Распутина?

Хвостов. — Во мнении Распутина укрепляться не нужно было — раз он согласился, что же укрепляться?

Председатель. — То-есть задним числом апробировал; а что вы для этого делали?

Хвостов. — Нужно было несколько раз с ним видеться.

Председатель. — Какую же систему сношений с Распутиным вы установили?

Хвостов. — Я поручил его наблюдение Белецкому и Комиссарову. Белецкий, который относился ко мне враждебно и подкапывался под меня, вел это дело по-своему, но у меня не было своих, кого бы я мог приставить к Распутину.

Председатель. — Вы приставили, в конце концов, г-жу Червинскую, общую знакомую вашу, и Белецкого?

Хвостов. — Это уже в конце концов мне удалось. Я виделся с ним несколько раз — один раз у князя Андроникова, потом один раз на конспиративной квартире.

Председатель. — Значит, была и конспиративная квартира?

Хвостов. — Не для этой цели, а вообще была квартира. У Белецкого несколько было конспиративных квартир, необходимых ему по должности, и на одной из них я виделся с Распутиным два раза.

Председатель. — Не важно, сколько раз, а важно содержание.

Хвостов. — Приглашался Распутин, чтобы выяснить отношения, мы друг друга осматривали; я смотрел, что он собой представляет, а он смотрел, что я собой представляю, — держать меня, или нет. Одновременно мне удалось через Червинскую и через некоторых других лиц установить наблюдение за ним более подробное. Со своей стороны, может быть, и он за мною наблюдал. Он чувствовал, что я с ним не могу сойтись, и я это чувствовал. Мы представляли двух людей, которые друг на друга смотрели, кто кого съест.

Председатель. — Ведь, у вас был период, так сказать, мира? Распутин вернулся и выразил недовольство по поводу назначения вашего и Белецкого, но в конце концов это санкционировал, при чем для того, чтобы он это санкционировал, нужно было ему давать деньги. Эти денежные траты на Распутина делались с вашего ведома и разрешения? Полторы тысячи в месяц фикс и еще на экстренные расходы?

Хвостов. — Белецкий давал деньги из сумм департамента полиции, чтобы держать Распутина в руках.

Председатель. — А вы каждый месяц санкционировали эти выдачи своей подписью?

Хвостов. — Да, эти общие отчеты министром внутренних дел утверждались.

Председатель. — Это я знаю, и вы это знаете, потому что есть ваша подпись на этих отчетах.

Хвостов. — Я подписывал и утверждал, потому, что Распутину давались деньги из сумм департамента полиции.

Председатель. — Что же вы заметили за Распутиным? Повидимому, Распутин вам в руки не давался?

Хвостов. — Распутин всецело был другом и сторонником Белецкого, и ему он давался. Кто платит деньги — тому и служат; я не платил денег, а платил Белецкий, в этом и была моя ошибка, что я не сам платил, что платил Белецкий, и ему он служил верой и правдой.

Председатель. — Некоторое время у вас была полная entente cordiale?

Хвостов. — Это кажущееся соглашение. Распутин сразу взял враждебную ноту по отношению ко мне, вероятно, он не мог забыть истории в Нижнем; он — злопамятный человек; может быть, он имел дар предвидения, во всяком случае, я постепенно выражал большую осторожность в своих сношениях с ним.

Председатель. — Значит, г-жа Червинская была приставлена к Распутину по вашему общему соглашению, потому что Червинская, с одной стороны, — друг Андроникова, с другой стороны, — знакомая ваша и Белецкого?

Хвостов. — Не знаю, что она ему сообщала, но мне казалось, что мне она сообщала достоверные вещи, которые меня интересовали. Если Белецкий учил Распутина что-нибудь против меня выкинуть, то Червинская сообщала об этом мне.

Председатель. — Какое было у вас отношение к Распутину?

Хвостов. — В высшей степени отрицательное.

Председатель. — Тем не менее, отрицательно к нему относясь, вы нашли возможным пользоваться им для влияния на царя и императрицу?

Хвостов. — Не для влияния; я старался, чтобы он меня не сшиб. Я обладал самомнением, и мне казалось, что через два-три месяца я укреплюсь и получу влияние большее, чем он.

Председатель. — А что за эти два-три месяца, пока вы не вышибли его?

Хвостов. — Не показать ему, что иду против него.

Председатель. — Этого мало. Теперь выяснилось, что если вам нужно было провести какой-нибудь проект, вы приобретали симпатию Распутина к этому проекту, чтобы он помогал его проводить.

Хвостов. — Я Белецкому поручал, если что-нибудь нужно было, и никогда не виделся с Распутиным без Белецкого.

Председатель. — У него была как бы некоторая ревность?

Хвостов. — Не ревность, а он караулил меня.

Председатель. — Но и вы не хотели, чтобы Белецкий виделся без вас с Распутиным?

Хвостов. — Наоборот, он с ним виделся постоянно и во многих местах, а я виделся только под его наблюдением. Чтобы против себя меня не восстанавливать, он меня не только допускал, но даже тащил на свидание, говоря, что иначе Распутин против обоих нас поведет интригу. Мне нужно было, чтобы он продержался два месяца, потому, что из слов царя мне казалось, что он тяготился Горемыкиным, и я думал, что к новому году царь разрешит этот вопрос.

Председатель. — И вы станете председателем совета министров и не будете нуждаться в Распутине?

Хвостов. — Нет, что я так или иначе укреплю свою позицию.

Председатель. — Но пока, когда вам нужно было провести какой-нибудь проект, вы старались заручиться симпатиями и содействием Распутина?

Хвостов. — Я поручал это Белецкому. Белецкий говорил: «Он ершится». Я говорю: «Уговорите его». Я не помню определенных мероприятий, которые бы я старался проводить через Распутина.

Председатель. — Зачем вы действовали через Белецкого? Ведь вы не раз виделись с Распутиным и у Андроникова на знаменитой ухе, и у Червинской, и на конспиративной квартире?

Хвостов. — У Червинской я, кажется, не виделся с ним.

Председатель. — Нет, не видались?

Хвостов. — Прошло много времени — я не помню.

Председатель. — Повидимому, посредничество Белецкого и не нужно было, так как у вас достаточно было личного общения?

Хвостов. — Нет, он слишком враждебно ко мне относился, так что нужно было, чтобы говорил Белецкий.

Председатель. — Значит, вы и непосредственно действовали, сколько могли, и через Белецкого?

Хвостов. — Я даже не пытался непосредственно действовать, потому что знал, что это будет покушение с негодными средствами, а при посредстве Белецкого я действовал и от него был осведомлен о всем поведении Распутина.

Председатель. — Раз вы с ним уху, трапезу разделяли, то почему же не было непосредственных отношений?

Хвостов. — Непосредственные отношения не складывались, и даже разговор не клеился; я не умел к нему подойти, или он враждебно относился. Одним словом, его еле-еле уговаривали со мною встречаться и беседовать.

Председатель. — Какие вы принимали меры против этого нежелательного для вас явления? Вы опирались на Распутина, но Распутин на лиц, опиравшихся на него, налагал тяжелую обязанность удовлетворять ряд его просьб; что вы сделали, чтобы он не лез к вам ни на квартиру, ни в деловой кабинет? Вы поручили принимать эти просьбы Андроникову?

Хвостов. — Я поручил Белецкому иметь с ним контакт, а Андроников никаких специальных просьб не получал.

Председатель. — Какой вы маневр употребили, чтобы Распутин не афишировал знакомства с вами?

Хвостов. — Чтобы он шел за Белецким. К Белецкому писались письма, у них был известный контакт, а ко мне он избегал ходить и обращаться.

Председатель. — Припомните, как вы хотели удалить Распутина из Петрограда и устроить ему поездку по монастырям?

Хвостов. — Я много раз пытался это сделать, но это, кажется, никогда не удавалось. Мне много раз хотелось устроить поездку по монастырям, чтобы его где-нибудь по дороге в монастырь столкнули, но это ни разу не удавалось.

Председатель. — У вас была тогда власть министра внутренних дел. Неужели министр внутренних дел не мог бороться с Распутиным иначе, как путем убийства?

Хвостов. — Исключительно. Я видел, когда докладывал, как сильно его влияние. Я начал пробовать открывать глаза на него, но натолкнулся на такое противодействие, что перестал, и пришел к убеждению, что единственное средство, это — устранение убийством. Я видел, что министерство юстиции могло привлекать его за нарушение уголовных законов, но ни одно дело не возникает, никто не смеет к нему притронуться. Я говорил с председателем Совета министров — то же самое: «Оставьте, это не ваше дело». Никакого больше хода не было. Я пришел к убеждению, что единственно можно устранить его таким путем, как убийство. Мне казалось, что он губит положение России.

Председатель. — Вы изволили сказать относительно уголовных дел, которые нельзя было двинуть. Было одно дело у вас и у Белецкого, которым можно было держать Распутина в руках. Вы, может быть, его некоторое время в руках и продержали этим способом?

Хвостов. — Нет, пароходный скандал был до меня.

Председатель. — Да, да, он был до вас, но он был вами использован. Вы помните, что там был составлен протокол об оскорблении государыни и детей царских.

Хвостов. — Нет, я этого дела не помню. Наоборот, у меня были другие данные, чтобы его держать в руках. Он вызывал какую-то публичную женщину к себе под видом великой княжны.

Председатель. — Ольги?

Хвостов. — Этим путем можно было воспользоваться, но когда я об этом докладывал, я видел, что это решительно невозможно.

Председатель. — А вопрос о том, что он где-то на пароходе поносил императрицу, которая была очень дорога императору, и дочерей его, это дело вы не использовали?

Хвостов. — Нет, я это не использовал, но я использовал гораздо большее, — я доложил императору о том, что он публичную женщину вызывал под видом его дочери. Но это, как об стену горох.

Председатель. — Здесь дочь, а там сама императрица. Это могло быть более сильным ударом. Почему вы считаете, что оскорбление дочери хуже, чем жены?

Хвостов. — Потому, что эти слова неизвестны.

Председатель. — Как вам известно, прилетел губернатор или вице-губернатор и привез вам полицейский протокол.

Хвостов. — Нет, это не мне.

Председатель. — Виссарионову, Белецкому?

Хвостов. — Этого дела и полицейского протокола у меня в руках не было, и во всяком случае, у меня было достаточно дел о Распутине моего наблюдения.

Председатель. — Ваше наблюдение про распутство Распутина, а тут такой яркий факт.

Хвостов. — И оскорбления дочери, мне казалось, было достаточно; а о том случае я понятия не имел. Я помню этот скандал на пароходе. Это дело министерства юстиции. Я не знаю, куда его передали. В министерстве внутренних дел это дело было бы у меня, я должен был на него обратить внимание. Да к тому же дело было за тридевять земель. Что же могло быть ярче этого случая, о котором я докладываю?

Председатель. — Вы не можете отрицать, что дело, известное вашему дядюшке, министру юстиции, было известно вам.

Хвостов. — Оно было при Щербатове послано из министерства внутренних дел в министерство юстиции.

Председатель. — Да, я знаю, что Щербатов не опирался на Распутина. Наше внимание останавливается на том, что вы говорите: вы боролись с Распутиным, в ваших руках такой резкий факт, констатированный подлежащей властью, случай оскорбления не только дочери, но и жены царствовавшего тогда императора, и вы, борясь с ним, не доводите этого до сведения царя, а до сведения Распутина доводите, что такой факт есть?

Хвостов. — Я не доводил, это было дело Белецкого. Белецкий, может быть, доводил. Так как это было еще при Щербатове, то я не обращал внимания. Это был факт, прошедший мимо моих рук.

Председатель. — Вы изволили сами признать, что в ваше время Распутин играл крупнейшую роль.

Хвостов. — Я обратил внимание на те факты, которые были при мне, а на те факты, которые были до меня, я не обратил внимания, потому что они были у других министров. Зачем же я буду докладывать все то, что было 10 лет тому назад? Те

факты, которые были при мне, я записывал. Они собирались в особую тетрадь, и их я мог докладывать государю. Если бы я стал докладывать о фактах, бывших до меня, он мог бы сказать: «Я знаю об этом от бывших министров». Мог Щербатов доложить, мог министр юстиции доложить. Этот факт, очевидно, лежал где-нибудь, как записочка, у Виссарионова и у Белецкого, они ею, оперировали и, таким образом, держали Распутина в руках. Что было в мое время, то я докладывал с определенной верностью. И этого никто не может отрицать, потому что есть упоминание в письме моем императору.

Председатель. — В вашу комбинацию: Андроников, Белецкий, и Распутин, входила также и Вырубова, то-есть вы действовали, с одной стороны, на Распутина, а с другой стороны — на Вырубову?

Хвостов. — Ну да, это было почти то же самое. Мне нужно было продержаться, пока я не окрепну настолько, что получу возможность действовать на бывшего императора непосредственно; чтобы до этого момента меня не вытолкали вон.

Председатель. — Вы это изволили сказать. А не было ли недокладывание этой переписки государю одним из способов с вашей стороны держать Распутина в своих руках и одним из способов показать Вырубовой, как вы бережете Распутина и как вы преданы государыне и ему?

Хвостов. — Нет, эта переписка просто прошла вне моего внимания.

Председатель. — Но соответственного разговора не было у вас с Вырубовой относительно этого протокола?

Хвостов. — Нет. Относительно этого не было разговора. Разговор с Вырубовой был о том, что она вообще прошла меня не беспокоить государя всеми теми данными, которые у меня могли быть.

Председатель. — Во всяком случае, Распутин знал, что у вас эти данные имеются?

Хвостов. — У Белецкого — несомненно.

Председатель. — У Белецкого то же, что и у вас?

Хвостов. — Нет, некоторая разница была, потому что Белецкий его использовал. Если бы была переписка у меня в руках, тогда я бы мог действовать на Распутина, и, может быть, удалось бы выжить Белецкого раньше, чем это пришлось сделать. В этом вся разница, что я понадеялся на Белецкого и упустил из своих рук важную вещь — непосредственные сношения с Распутиным и все руководство этим делом Комиссарова. Он приставил к нему своего человека, испытанного, преданного и верного ему. Конечно, они держали Распутина и постольку терпели меня, поскольку я казался безвредным.

Председатель. — Вы добивались поста председателя совета министров, а чего добивался Белецкий?

Хвостов. — Правда, не знаю.

Председатель. — Он получил пост товарища министра и сидел, сидел на Распутине вместе с вами?

Хвостов. — Он добивался какого-нибудь министерства, министерства внутренних дел. Когда ушел контролер, он даже хотел сделаться государственным контролером.

Председатель. — Вы предполагаете, что он хотел быть министром внутренних дел?

Хвостов. — Я предполагаю, потому что вижу, что он шел к этому.

Председатель. — Что вам известно об отношении Распутина к синоду и о назначениях в синоде?

Хвостов. — Мне казалось, что он влияет на все эти назначения.

Председатель. — Вам казалось, или вы знали?

Хвостов. — Знать документально очень трудно. Я знал, что Распутин все делает через призму Комиссарова и Белецкого.

Председатель. — Может быть, еще была одна призма — Вырубова?

Хвостов. — Опять-таки Белецкий ездил и туда вместе со мной, и Вырубова была одна со мной раз или два. Если я ее видел, то она не была откровенна. Сквозь призму Комиссарова и Белецкого я слышал много о чем, как он отзывался про какого-то архиерея. Но, повторяю, что это сквозь призму Комиссарова, через Белецкого, бывшего нянькой Распутина. Когда нужно было Белецкому, Комиссаров представлял так, что Распутин меня ругал. Когда нужно было, он меня хвалил. Этот человек был в их руках безусловно.

Председатель. — Скажите, как вы раз отдали распоряжение Комиссарову, чтобы Распутина привезли к владыке. Владыка, как вы, может быть, вспомните, стеснялся афишировать свою близость к Распутину.

Хвостов. — Да, был такой случай. Я помню было так, что они мне докладывали о близости Питирима с Распутиным, а Питирим, когда я у него был с визитом (он был недавно только перед этим назначен), все время говорил, что этого ужасного человека не знает и всячески от него отбояривался. Мне хотелось проверить, верно это или неверно.

Председатель. — Вам просто теоретически хотелось, или это было нужно для какого-нибудь вашего хода?

Хвостов. — Какой там ход; Питирим был явление служебное у Распутина. Не он влиял на Распутина, а Распутин на него.

Председатель. — Тем не менее, Питирима принимали в Царском Селе, и он имел некоторое влияние.

Хвостов. — Да, Распутин его держал. Вот мне и хотелось выяснить, что это такое. Кажется, тот же Питирим, по наущению, очевидно, Белецкого, и докладывал бывшему императору о том, что я молод, не гожусь совершенно в министры внутренних дел. Одним словом, против меня повел какую-то интригу. Мне хотелось выяснить, действительно ли Питирим и Распутин находятся в таких близких отношениях, или это может быть не так. Комиссаров докладывал, что они приятели, что они вместе. Я говорю: «хорошо, если они вместе, то дайте мне узнать, когда они вместе, где бы я сам увидел». Он устроил так, что я поехал к Питириму после

поездки в Царское, вошел без доклада и накрыл их, когда Пителир без клобука сидел в самой приятельской домашней беседе.

Председатель. — Чего вы хотели этим достигнуть? Это был известный ход? На это нужна известная доля внимания министра внутренних дел, известное время министра внутренних дел. Чего вы хотели этим достигнуть?

Хвостов. — Так как я все выяснил относительно Распутина, мне хотелось застигнуть их вместе с Пителиром, чтобы узнать, каковы их отношения. Комиссаров описывал их мне в известных красках, а я не знал, действительно ли было так. Он говорил, что Распутин чуть ли не по затылку бьет Пителира, что Пителир в полном его распоряжении, Пителир пляшет под его дудочку, не смеет при Распутине сесть. Как я могу это проверить? Через Червинскую проверить не могу, потому что она к Пителиру не вхожа. Ровно ни через кого я не мог проверить, между тем мне нужно было уловить Пителира.

Председатель. — А это зачем? Не затем ли, чтобы заставить Пителира поддерживать наверху?

Хвостов. — Он был слишком мелок для этого. Я поехал, убедился в том, что он действительно близок; после этого Пителир против меня и повел кампанию.

Председатель. — Теперь скажите, как вы действовали против Кривошеина и как вы на его место проводили Наумова?

Хвостов. — Это уже относится к области деловой. Когда я вступил в должность, я пришел в ужас от того положения, в котором находится продовольствие. Как министр внутренних дел, я получаю телеграммы: там нет хлеба, там — топлива, транспорт в руках Рухлова тоже в ужаснейшем положении. Одним словом, положение невозможное. Вместе с тем, это все были люди, бывшие много лет министрами. Сам Кривошеин без пяти минут премьер. Значит, положение такое, что с ним в высшей степени трудно сговориться. Если вы просмотрите мою переписку по поводу продовольствия на имя Горемыкина, все мои письма отличались большой резкостью. Я снимал с себя всякую ответственность за внутренний порядок, если не будет урегулировано дело продовольствия. В одном из заседаний совета министров я заявлял, что необходим план продовольственной кампании, план снабжения продовольствием и топливом тех и других местностей. Вместо этого я слышал или детский лепет кн. Шаховского, который, по моему мнению, тогда не был подготовлен к занятию своей должности, или утверждение стариков, что все это не нужно. А Кривошеин, на которого, казалось бы, можно опереться, потому что это враждебная Горемыкину сила (у них была ссора по поводу исторических заседаний), Кривошеин, со своей стороны, тоже сам никакого плана не имел, и все они говорили, что этот план — социализм, что кормить население — этого никогда не будет, и т. д. Я увидел, что приходится мне всякие административные меры принимать для того, чтобы потушить самый законный бунт населения, когда нет хлеба. Я стал писать план; я должен был выехать в Москву для того, чтобы разгрузать этот узел, потому что министр путей сообщения не делал этого. И я впал в отчаяние и решил, что нужно действовать постепенно, нужно провести кого-нибудь из людей не своих по службе, но своих по общим задачам.

Председатель. — Интересно, через кого же вы проводили Наумова?

Хвостов. — Исключительно через самого императора.

Председатель. — Через самого императора не проведешь.

Хвостов. — Нет, провел.

Председатель. — Через Воейкова, графа Фредерикса и госпожу Вырубову?

Хвостов. — Нет, исключительно через самого императора. Фредерикс — выживший из ума. Ему я не мог говорить. Воейков был от этих дел далек.

Председатель. — Воейков не выжил из ума.

Хвостов. — Я ему говорил насчет Наумова, чтобы он не препятствовал, что это мой кандидат, и просил мне не мешать в проведении Наумова, потому что о Наумове слышали, что он либерал и общественный деятель.

Председатель. — А Вырубова?

Хвостов. — Вырубова, когда узнала, пришла в ужас, что какой-то Наумов. Я сказал: «Не мешайте, пожалуйста. Это хороший человек, вовсе не либерал».

Председатель. — А какова роль князя Андроникова в этом проведении?

Хвостов. — Никакой.

Председатель. — Нет, у него была роль, чтобы Горемыкин не мешал.

Хвостов. — Нет, этого не было. Он преувеличивает свою роль. Горемыкин не мог мешать, потому что я знал, что он вел Хрипунова. Не я валил Кривошеина, Кривошеина валили они и выдвигали Хрипунова.

Председатель. — Вы тоже валили Кривошеина и выдвигали Наумова?

Хвостов. — Нет. Я их оставлял валить Кривошеина, потому что я берег себя для другого. Если я начну валить всех, то могли сказать, что я подбираю себе кабинет. Главным образом, я боялся, что проведут Хрипунова. Я знаю, какой Хрипунов непопулярный в Думе, еще по вопросу о степановцах. Я лично его уважаю и ценю, но знаю, что это — неподходящий человек для того момента. В совете министров он будет вотировать с Горемыкиным и Хвостовым за всякое чиновничье утверждение власти в ущерб общественному делу, на чем я хотел сыграть. Поэтому Хрипунов мне был нежелателен в силу не личных его качеств (повторяю, я уважаю его), но в силу непригодности для момента. Наумов же мне казался человеком в высшей степени подходящим. Я с ним не был дружен, но я видел, что он в государственном совете пользуется популярностью, слышал от членов по Самарской губернии, что его ценят и любят в различных партиях. Это — бывший предводитель дворянства, богатый сельский хозяин. Он мне казался тем лицом, которое должно быть назначено. Тут я стал пробовать укрепить свое влияние. Я, помню, приезжаю в ставку. Никто не подготовлял бывшего императора, до меня никто не говорил о Наумове, я первый. Когда сделал доклад, государь остался очень доволен моим докладом. Или же это было здесь, еще, кажется, он уезжал. Первый ему о Наумове сказал я. Тогда он сделал такой жест (прикладывает руку к голове): «Да, это и мое

желание, и императрица к нему очень хорошо относится. Это действительно уважаемый человек». Это было здесь, в Царском. После этого, в следующий доклад, когда я приезжал в ставку, он мне показывает письмо: «Вы тогда мне говорили о Наумове, а вот от Наумова отказ. Я поручил Горемыкину предложить ему это место, а Горемыкин приезжает и говорит, что он прислал ему письмо с отказом». Перед отъездом в ставку я интересовался — неужели Хрипунов назначен? Я спросил Наумова, было ли ему какое-нибудь предложение. Он говорит: «Избави меня бог от всего этого; позвал меня Горемыкин, сел ко мне почти спиной и так предложил. Раз мне было в такой форме предложено, этого довольно. Он сказал, что государь поручил это передать, но от себя — никаких слов приглашения. Тогда я, конечно, отказался». Я почувствовал из этих слов, что Наумов пошел бы, что это отказ неискренний, что форма предложения Горемыкина его не удовлетворила, хотя он и говорил: «Хорошо, что так вышло, я не принял бы эту должность». Когда я приехал в ставку, и бывший император подал мне это письмо с отказом Наумова, я ему сказал, что по моим сведениям Горемыкин к нему сел спиной; тогда он мне предложил вопрос: «Какой же выход из этого?» Я говорю: «Выход один — написать, что вы цените гораздо больше этот отказ, чем согласие, и что вы просто назначаете его». Он и написал, что самый этот отказ свидетельствует, что Наумов порядочный человек, раз не берет на себя это дело, и приказал назначить его, словом, положил какую-то определенную резолюцию, показал мне и положил в конверт. После этого Горемыкин взбесился и лез на стену, и доклад о Хрипунове свелся на-нет. Вот история назначения Наумова. Наумов первый составил план снабжения России продовольствием. Эту книгу я видел через месяц или через полтора после его назначения, но эта книга № 1, план № 1 сделали то, что мне казалось необходимым.

Председатель. — Вы сами пришли к мысли проводить Наумова, или эта мысль была подсказана Белецким?

Хвостов. — Нет, я сам лично. После этой поездки я сказал Белецкому о Наумове, зная, что они знакомы и советуются иногда по некоторым делам.

Председатель. — Скажите, а не было отрицательное отношение Наумова к Распутину известным препятствием к назначению Наумова?

Хвостов. — Нет, препятствия не было; но мне известно, что отрицательное отношение к Наумову безусловно было. Я и подбирал человека такого, который был бы совершенно независим и на которого можно было бы опереться в совете министров по вопросу о роспуске и нероспуске Думы. Они могли мне все карты спутать. Моя цель была выдвинуться; как человек, примиривший Думу с правительством, на этом пройти, потому что я Думы не боялся, считал, что с ней легче, чем другой такой Думы не будет. Таково было мое убеждение. Вдруг, в самый разгар моей политики мне Думу распустят!

Председатель. — Позвольте считать вопрос о Наумове законченным. В вашей жизни, как министра внутренних дел, было еще одно затруднение: князь Андроников, который проводил вас, стал требовать от вас платы за это, в форме

назначений по министерству внутренних дел лиц, которые ему нравились, даже в такой форме, чтобы вы во всех назначениях по министерству с ним советовались?

Хвостов. — Таких общих требований он не предъявлял, но частично за тех или других лиц хлопотал, действительно.

Председатель. — Тут было назначение Петкевича?

Хвостов. — Он был против назначения Петкевича; затем он был против Шидловского, одним словом, против всех моих назначений.

Председатель. — Вам пришлось давать ему удовлетворение в некоторых назначениях?

Хвостов. — Весьма мало. Кое-какие назначения пришлось сделать по его просьбе, но крупных я все-таки отстоял. Тут не боязнь Андроникова, а просто потому, что Андроников поедет к Вырубовой, она скажет императрице, императрица императору, и на докладе я получу реприманд.

Председатель. — Это и есть боязнь.

Хвостов. — Это не боязнь. У меня отнимались работники, которые мне были нужны для дела. Например, так было с Климовичем. В один прекрасный День он не угодил Решетникову. Решетников жалуется Вырубовой, и я получаю приказание немедленно убрать Климовича из Москвы, где он был мне необходим. Я и теперь остаюсь при том мнении, что он был очень дельный градоначальник. Спорить было очень трудно. То же самое и с Петкевичем. Они пустили при дворе императора слух, что он пять раз менял веру и что он не может быть директором департамента духовных дел, когда он сам выкрест. Но мне Петкевич был важен потому, что он писал против прибалтийских немцев, мне этот проект казался необходимым. А император мне и говорит: «Это ваш выкрест написал?» Он сказал в шутовском тоне, но неприятно получить такой реприманд. Ну, и скажешь Андроникову: «Что вы сплетничаете, оставьте вы Петкевича».

Председатель. — Пожалуйста, расскажите, как вы валили Барка и почему вы его валили?

Хвостов. — С Барком у меня были отвратительные отношения, он был назначен Манусом и вносил все те проекты, которые я в Думе называл «лисыими норами». Я еще раньше говорил в Думе против синдикатов, это было за год. Барк относился ко мне в высшей степени враждебно. До него доходили мои отзывы, до меня его, и, в конце концов, это переносилось в совет министров. Действительно, одно — когда министр финансов идет вам навстречу, другое — когда министр финансов в вашей политике вам препятствует.

Председатель. — Когда вы начали валить Барка?

Хвостов. — Во-первых, я лично валил его в Государственной Думе и потом, главным образом, под влиянием разных сведений, которые получались от разных лиц, между прочим, от Коковцова.

Председатель. — Но когда все-таки вы начали валить?

Хвостов. — Я думаю, в самом начале, после назначения, я начал против него идти.

Председатель. — И одной из причин, почему вы валили его, было, между прочим, и то, что он вам не давал денег, учинил вам неприятность с 5-ю миллионами?

Хвостов. — Я не знаю, какую неприятность?

Председатель. — А вы со Штюмером хотели 5 миллионов получить на цели, известные бывшему императору.

Хвостов. — Я не знаю, какие он неприятности делал, я не осведомлен совершенно.

Председатель. — Вы помните тот эпизод, когда министры не хотели подписать журнала, вами и Штюмером изготовленного?

Хвостов. — Это было без меня, я тогда не был министром.

Председатель. — Нет, вы были министром. Вы вспомните, там запротестовали Барк и Наумов.

Хвостов. — Я тогда не был; если вы посмотрите журнал, вы увидите. Я испрашивал общий кредит на словах, но потом, когда, все оформилось, я не был в совете министров.

Председатель. — Значит, вы были только тогда, когда испрашивалось?

Хвостов. — Да, я испрашивал и говорил о необходимости ассигнования раньше.

Председатель. — А по журналу совета министров это проходило после вашего назначения?

Хвостов. — Может быть, я отсутствовал, или не ходил в совет министров, но я совершенно не помню этого инцидента; но с Барком у меня отношения были очень неважные с самого начала.

Председатель. — Ведь Барка отстаивали Андроников и Горемыкин?

Хвостов. — Да.

Председатель. — Какой у вас был ход против них, в связи с отстаиванием ими Барка?

Хвостов. — Против них было очень трудно действовать, потому что Горемыкин был за Барка, Андроников, ходами через Распутина, а также Белецкий — были за Барка.

Председатель. — Но какой же у вас был ход? У вас был ход, заключающийся в защите Андрониковым и Горемыкиным электрического общества 1886 года?

Хвостов. — Да, они защищали это общество. Это была моя давнишняя работа, я давно говорил против общества 1886 года.

Председатель. — В том смысле, что вы могли начать муссировать защиту Андрониковым и Горемыкиным немецких интересов и тем парализовать их борьбу против вас в защиту Барка?

Хвостов. — Я вел искренно эту борьбу с обществом 1886 года, когда был в Государственной Думе, и назначал таких представителей, которые тоже вели эту борьбу.

Председатель. — Вы были против Барка, но за кого вы были, кого вы вели?

Хвостов. — Я был за графа Татищева, с которым я не был знаком до назначения меня министром, но здесь мы познакомились. Так как я в технической стороне финансов профан, то мне хотелось иметь министром финансов человека, который бы был финансист и понимал бы так, как я, отношения к обществу, необходимость быть в хороших отношениях с Думой, иметь в руках прессу и общественное мнение. Ведь старые чиновники не признавали общественного мнения ни на грош, они говорили, что это вздор, а я говорил, что это большая сила, и потому мне хотелось иметь человека, который бы умел говорить.

Председатель. — Кто же вас познакомил с графом Татищевым?

Хвостов. — Граф сам приехал ко мне познакомиться.

Председатель. — По вашему вызову?

Хвостов. — Я не помню, может быть, я сказал своему двоюродному брату, который женат на его дочери.

Председатель. — Ивану Сергеевичу?

Хвостов. — Да. Или, может быть, сам граф. Я за давностью времени забыл, кто первый сказал, что хочет познакомиться. Он меня привел в полный восторг после разговора о финансах, и мне показалось, что это именно человек, знающий дело.

Председатель. — Ведь вы были только министром внутренних дел, отчего же все эти замещения постов осуществлялись как будто по вашей инициативе?

Хвостов. — Я не занимался только своим делом министра внутренних дел, потому что видел, что ничего нельзя сделать без сочувствия совета министров. Один министр без совета министров — нуль.

Председатель. — Этим и объясняется, что вы заботились о замещении других представителей подходящими с вашей точки зрения лицами?

Хвостов. — Я хотел, чтобы был полный контакт.

Председатель. — Чтобы иметь все в своих руках?

Хвостов. — Если бы я был председателем совета министров, тогда бы я, может быть, взял их в свои руки. Помню, раз привезли вместо хлеба арбузы. Я говорил: «Вам будет хлеб»; мне хотелось, чтобы народное настроение было за правительство во время войны, а вместо хлеба везут арбузы, благодаря бесхозяйственности. Нужны такие министры, которые бы вели совместно общий план. Мне граф Татищев казался в высшей степени талантливым и способным человеком. Может быть, с точки зрения финансов, это и не так, но, насколько хватало моего понимания, он мне казался человеком практики; он умел говорить, и был человек богатый.

Председатель. — Почему вам не удалось провести его?

Хвостов. — Потому что помешал Барк. Барк оказался сильнее, он действовал через Мануса.

Председатель. — А Манус через кого?

Хвостов. — Через того же Распутина. В это время у меня на Распутина не было прямого давления, посредниками были Белецкий и Комиссаров. Я мог действовать непосредственно только, когда захватишь императора одного. Например, Шаховской мне казался совершенно непригодным. Мне казалось необходимым разгрузить Петроград, а у него не было даже списка фабрик.

Председатель. — Погодите. Скажите, пожалуйста, какую вам неприятность причинил Андроников, когда он вдруг не захотел менять квартиру в доме графини Толстой, которая не хотела держать его в качестве квартиранта, и из этого вам пришлось сделать обязательное постановление?

Хвостов. — Это дело вел Белецкий.

Председатель. — Пожалуйста, расскажите вкратце.

Хвостов. — Графиня Толстая не захотела его держать.

Председатель. — А он захотел, чтобы вы ее заставили его держать?

Хвостов. — Он обращался к Белецкому. Я не знаю, было ли тут обязательное постановление военных властей, которые как-то подводили его под эту категорию.

Председатель. — Но вы приняли участие в издании этого обязательного постановления?

Хвостов. — Ездил и хлопотал Белецкий, я не помню, чтобы я принимал какое-нибудь участие. Я знал об этом, как о факте, через доклад Белецкого.

Председатель. — Когда вы проводили графа Татищева, помните, у вас было какое-то недоразумение с Андрониковым из-за того, что вы его о вашем намерении не предупредили?

Хвостов. — Недоразумения никакого не было, просто Андроников действовал все время против.

Председатель. — Но вы, зная, что он против, его не предупредили?

Хвостов. — Не предупредил потому, что не считал нужным это делать через него, надеясь, что обойдется и без него. Затем, я хочу сказать относительно министра путей сообщения. Я был в ужасе от транспорта и сначала добивался сенаторской ревизии, а потом думал провести на пост министра путей сообщения Д. Нейдгардта. Сенаторской ревизии мне удалось добиться, но Нейдгардт не был назначен, был назначен Трепов.

Председатель. — Как случилось, что вместо того, чтобы вам быть председателем совета министров, был назначен Штюмер?

Хвостов. — Все это было в руках Белецкого, Распутина и всей этой компании.

Председатель. — Но тут появилось еще новое лицо — Манасевич-Мануйлов?

Хвостов. — Манасевич-Мануйлов был все время. Белецкий им пользовался еще раньше, но он был на служебных ролях. Потом Манасевич прошел сам непосредственно, минуя Белецкого, к Распутину, и стал к нему ближе, чем Комиссаров, который был делегатом Белецкого. Тут Манасевич-Мануйлов стал проводить своего прежнего благодетеля Штюмера и решили вместе — тут был Спиридович, может быть, Манус — как-нибудь не допустить меня до премьерства и вообще удалить, так как они увидели, что я слишком независим от всей этой компании: провожу Татищева, который был в полном подчинении, одним словом, начинаю сам проводить. Тут как раз было выступление с обществом 1886 года. Это и был перелом; они, кажется, воспользовались моим отсутствием, и назначили Штюмера.

Председатель. — При чем устроили назначение Штюмера несмотря на то, что кружок Штюмера находился в постоянных сношениях с Горемыкиным?

Хвостов. — Это было очень ловко устроено, Штюмер был сам у Горемыкина и усыплял его всякими словами, а они очень ловко провели Штюмера, воспользовавшись моим отсутствием.

Председатель. — Меня интересует одна частная выдача по вашему распоряжению, а именно — Крупенскому 20 тысяч рублей. Вы делали такое распоряжение?

Хвостов. — Мне говорили, что была такая выдача.

Председатель. — Вы же скрепляли подписью все эти месячные выдачи? Эти 20 тысяч были выданы под видом устройства потребительской лавочки?

Хвостов. — Да, он просил на потребительскую лавочку, и ему было выдано. Но эти ведомости я скреплял без всякой проверки, а не то, что это было выдано по моему распоряжению. Это видно из того, что когда мы с Белецким пошли не на тайную, а на активную ссору, мое первое распоряжение было не выдавать из секретного фонда по его ордерам.

Председатель. — Это вы, конечно, сделали, чтобы оправдать себя? Но из ваших надписей я вижу обратное тому, что вы изволили сказать. Вы изволили сказать, что из факта вашего распоряжения видно, что это делалось без вашего назначения, а из ваших надписей на ведомостях видно, что «помещенные в сем отчете на известные мне назначения расходы произведены согласно моим указаниям». Вот что писал министр внутренних дел.

Хвостов. — Да, писал, но не проверял. Проверял Белецкий, в этом было его назначение.

Председатель. — Какие были условия его назначения?

Хвостов. — Что он ведет самостоятельно секретный фонд и секретные выдачи.

Председатель. — И вы подписывали, не зная, на что он расходует, например, выдачи на Распутину?

Хвостов. — О которых он говорил, я знал; о некоторых я не знал. Одним словом, он производил выдачи самостоятельно, я тут действовал на веру. А в тот момент, как я

потерял эту веру, то-есть не потерял, я никогда не имел особой веры, но когда я увидел, что он повел борьбу против меня, когда мы рассорились в открытую, тогда, чтобы не усиливать его, я взял эти распоряжения в свои руки.

Председатель. — Не припомните ли вы относительно этих 20 тысяч Крупенскому; не сделали ли вы такого распоряжения, что под благовидным предлогом устройства этой лавочки, вы привлекаете Крупенского к освещению настроения Государственной Думы?

Хвостов. — Нет, просто выдавал на лавочку.

Председатель. — Моокет-быть, вы не припомните этого обстоятельства?

Хвостов. — Я утверждаю, что этого не говорил. Крупенский еще раньше, года три тому назад, вмешивался в дела Государственной Думы, всегда бегал к министрам, со всеми говорил.

Председатель. — Так что он был осветителем настроения раньше?

Хвостов. — Давным давно, просто для того, чтобы играть известную роль, он всегда там бегал. Потом он попался. Он участвовал во всех переговорах со всеми партиями, он всюду умел прилаживаться. Эта выдача денег не была каким-нибудь наймом, чтобы он поступил как будто на службу. Я помню, что-то было, но именно на устройство лавочки.

Председатель. — Особый журнал совета министров об ассигновании кредита на неподлежащие оглашению надобности, который имеется в подлиннике, вопреки тому, что вы сказали несколько раньше, состоялся 26 января 1916 года и имеет вашу подпись, правда, последней.

Хвостов. — Это об испрошении. А я думал, что вы спрашиваете о том заседании, когда вышел скандал, когда Штюмер объявил в совете министров, что ему ассигнованы эти суммы, а Поливанов запротестовал.

Председатель. — То заседание было 17 апреля 1916 года.

Хвостов. — Я слышал об этом заседании, в газетах были напечатаны речи.

Председатель. — Но все-таки, зачем вы со Штюмером хотели получить эти 5 миллионов?

Хвостов. — Здесь мы переходим к делу, по которому я обвиняюсь. Дело было в том, что я еще раньше, до службы в министерстве внутренних дел, будучи губернатором, всегда интересовался выборами в Государственную Думу. При чем каждый раз, около этих выборов было очень много шума и, я позволю себе выразиться, клеветы, потому что думали, что я действую и буду действовать путем явного нарушения закона, как говорится, «пальцы режет, зубы рвет»...

Председатель. — Не только явного, но и тайного, может-быть, нарушения?

Хвостов. — Это было слишком преувеличено. И все-таки не понимали, каким способом мне это удастся, потому что действительно по Вологодской губернии, при выборах в Думу, неожиданно прошли правые; правые прошли и по Нижегородской губернии при выборах в 4-ю Государственную Думу. При этих выборах я обращал

внимание на прессу, всегда старался всячески исхлопотать у правительства те или другие суммы на ведение своей газеты, где ее не было; кроме газеты — на литературу, которая бы подготовляла известным образом общественное настроение. И каждый раз мне этот способ удавался, при чем все кидались на нарушения, которые, якобы, делались по выборам, но, в сущности, этих нарушений было весьма мало; главная сила была литература и общественная подготовка к выборам. Эти методы я вырабатывал даже, когда был в Государственной Думе.

Председатель. — Это не методы, а известное задание. Но как же вы шли к выполнению этого задания?

Хвостов. — Я думал об этом, составлял целый план, даже не будучи министром, вырабатывал, как сделать это без всякого давления, без явно крупных нарушений закона, чтобы усилить такое настроение, открыть глаза массам, которые за существующий строй высказались при выборах.

Председатель. — Формулируем кратко, но точно, на какую надобность вы получили 1.300.000 рублей? Будем говорить сначала, для ясности, о первой сумме, о 980.000 рублей. На что вы их израсходовали?

Хвостов. — Я предполагал провести выборы в губерниях совершенно иным способом, чем они велись; у меня был отчасти выработан в голове план уже давно. Я думал, когда разрабатывал план, вести дело помимо административных давлений, помимо других вещей, которые уже невозможно было при новых выборах применять, потому что слишком уж много шуму Государственная Дума подняла. Наконец, слишком ясны были дефекты всех систем предшествовавших выборов; как провести выборы так, чтобы Дума была хотя немного лучше по отношению к правительству, к существовавшему строю, чем четвертая Дума? И вот тогда я составил себе план.

Председатель. — Какие же средства не административного давления и не явно преступные вы хотели употребить?

Хвостов. — Я хотел, как в области управления, так и в области подготовки, подготовить это рублем, а не дубьем.

Председатель. — Это вообще. Давайте говорить деловым языком; из области метафор перейдем к делу.

Хвостов. — Мне хотелось вещественно организовать огромное акционерное общество participatory, полуправительственного характера, то-есть для всего общества, для частных непосвященных лиц, это было бы огромное акционерное общество. А для лиц, посвященных на самом деле, — participatory характера, в которое были бы введены частью люди, необходимые министерству внутренних дел, частью различные люди из общества, уже привлеченные.

Председатель. — Позвольте ясно и отчетливо формулировать; вы хотели воздействовать на общество и на широкие народные круги путем печати, и ваш план заключался в создании акционерного общества с целью воздействия на печать. Каким способом хотели вы воздействовать на печать?

Хвостов. — Самым разносторонним образом. Во-первых, путем распространения газет не правого направления, явно правительственного, а газет партийных, разных противоположительственных направлений, с тем только, чтобы эти газеты говорили смягченным тоном, более мягко.

Председатель. — Вы хотели, значит, чтобы это общество распространяло противоположительственные мысли, но в смягченной форме?

Хвостов. — Нет, не противоположительственные мысли, не явно противоположительственные, но шедшие в уровень интересам правительства.

Председатель. — Значит, я повторил ваши слова и совершенно точно формулировал вашу мысль?

Хвостов. — Я объясню, я хочу более подробно сказать, как это было; не путем захвата в руки всех органов, если можно так выразиться, путем распространения печати, например, киосков, потом — все издательства книжные, телефонные сообщения, провинциальная печать, конторские объявления, кинематографы, кинематографические фабрики. Значит, с пяти или шести сторон, незаметным образом, взять в свои руки всю литературу и даже издания отдельных книг. Если обыкновенно считать, что у нас издательство дает, положим, 40 процентов...

Председатель. — Хорошо, погодите. Будем говорить кратко, но вразумительно. Вы таким образом исчерпали круг задач этого общества?

Хвостов. — Да, мне кажется, исчерпал. Это давно было; если бы устав у меня под рукою... Ведь, у вас он находится?

Председатель. — Создание этого общества, с этими именно целями, было вашим методом ведения предвыборной борьбы, и на это вы исходатайствовали 8.000.000 рублей?

Хвостов. — Да, приблизительно; я получил согласие на 8.000.000 рублей.

Председатель. — Слушаю-с. Теперь, скажите: в ноябре месяце вы, при помощи сношений с министром финансов, исхлопотали себе кредит на 1.500.000 рублей?

Хвостов. — Так.

Председатель. — В декабре месяце вы начали получать из 1.500.000 рублей и в течение декабря выбрали 980.000 рублей. На что же вы их употребили, в пределах этих целей?

Хвостов. — У меня уже заранее, так сказать, с начала октября, почти месяц все компановалось и обсуждалось. Были привлечены сотрудники, не в том смысле, как в департаменте полиции, а помощники; помощники отнюдь не из лиц, которые-были по видимости со мною близки для того, чтобы были секретные помощники, и потом лица, которые были посвящены не в секретную часть, а только в деловую часть этого акционерного общества, и то не всего, а той или другой из отдельных отраслей. Это был только грубый план. Компания была далеко, и мне хотелось организовать акционерное общество и оставить его на весу, потому что туда могли

войти лица совершенно нежелательные. **Предполагалось** выпустить акции этого общества. Акции могло получить лицо нежелательное.

Председатель. — Об этом не будем говорить. Давайте вести деловую беседу.

Хвостов. — Именно, я к этому и веду. Я говорю, раз общество не могло еще быть утверждено, не все было окончательно готово для этого, то мне нужно было подготовить секретных или тайных деятелей, которые в качестве газеты или в качестве издательства вошли бы потом в это большое акционерное общество, захватили бы там раньше веревочку, если можно так выразиться, захватили бы власть раньше, чем войдут туда приходящие течения, не слишком заинтересованные обществом.

Председатель. — Совершенно не понимаю, что это значит?

Хвостов. — Это — секретные кадры. Если я пушу в ход акционерное общество, туда войдут либо газеты, либо издательства. Но мне нужно, чтобы в это акционерное общество вошли те издательства, которые работали.

Председатель. — Войти в акционерное общество, которое не существует, нельзя. Стало быть, если вы говорите, что ваша подготовка заключалась в том, что они входили в несуществующее общество, то вы говорите неделовым языком.

Хвостов. — Я вам совершенно не то сказал. Я говорю, что акционерное общество должно было быть, предположим, в феврале или марте. Раньше, чем его окончательно пустить гласно, нужно было негласно подготовить его участников.

Председатель. — Это значит трата на подготовку участников общества?

Хвостов. — Заинтересовать газетных сотрудников, заинтересовать газеты.

Председатель. — В чем?

Хвостов. — Заинтересовать в участии, чтобы они были наши, собственно говоря, правительственные; чтобы они потом шли в это акционерное общество, как правительственные работники. Например, купить ту или другую газету, приобрести то или другое издательство.

Председатель. — Какую же вы газету купили и какое издательство приобрели?

Хвостов. — Это вопрос, который я должен обойти молчанием.

Председатель. — Этого вам не придется сделать. Вы перед Комиссией, которая должна потребовать от вас ответа, по должности министра внутренних дел. Вы можете и могли тратить ваши деньги. Государь император мог тратить свои деньги. Но оба вы народные деньги без отчета тратить не могли. Вы должны дать отчет в трате народных денег. Это — не только ваша формальная обязанность, это — обязанность и моральная; ни через одну из этих обязанностей перешагнуть вам не удастся. Я требую у вас отчета, и вы этот отчет должны дать. Потрудитесь объяснить, на что вы тратили эти деньги?

Хвостов. — Я указал в общем, на что они тратились.

Председатель. — Простите, Алексей Николаевич, будем говорить, как деловые люди. Когда у человека спрашивают, на что он истратил миллион, а он отвечает на это: «я в общем сказал», — это значит, что он не отвечает. Подумайте, какая и формальная и моральная вина ложится на вас с этим ответом.

Хвостов. — Я признаю, что на меня эта вина ложится, в смысле, так сказать, нарушения вашего права проверки. Но я не вижу, в чем тут вина, если мы **действуем по уставу угол. судопроизводств**. Всякий обвиняемый имеет право не отвечать на те вопросы, которые считает невозможными.

Председатель. — Вы здесь не обвиняемый. Вы здесь бывший министр внутренних дел, который должен дать отчет в своих действиях.

Хвостов. — Но я уже привлечен в качестве обвиняемого.

Председатель. — Это дело следователя и вашего разговора с ним. Не угодно ли вам дать отчет перед Комиссией, требующей у вас объяснений в израсходовании этой суммы, 1.300.000 рублей?

Хвостов. — Да, я все сказал, больше прибавить не могу; называть поименно, кому я давал, не могу.

Председатель. — Почему?

Хвостов. — Вследствие того, что, на мой взгляд, вы при обратном допросе тоже не называли бы тех лиц.

Председатель. — В этом заключается ваш взгляд?

Хвостов. — Выдавать тех людей, а иногда целые издания, которые я покупал, мне претит.

Председатель. — Я не понимаю. Теперь торговли людьми не существует. Что значит покупали человека? На какое-нибудь действие?

Хвостов. — Ну да.

Председатель. — Каковы были действия этих людей?

Хвостов. — Человек вел какую-нибудь противоправительственную газету. Если он согласился за известную мзду войти в такое правительственное общество...

Председатель. — Которое не существовало?

Хвостов. — Но которое организовывалось, что ему было известно...

Председатель. — То-есть вы истратили 1.000.000 рублей на то, что люди, может быть, войдут или предполагают войти в это акционерное общество?

Хвостов. — Да, на то, что они войдут в это акционерное общество, за то, что они обещали стать правительственными **деятелями**. За то, что они вошли.

Председатель. — Как можно войти в общество, относительно которого вы сами изволили признать (и для этого у нас достаточно есть документов), что оно еще не существовало?

Хвостов. — Оно не существовало как гласное общество, но существовало как негласное. Кадры его были набраны, оттого я торопился.

Председатель. — Что же эти кадры делали?

Хвостов. — Кадры эти взяли на себя обязанность, будучи противоправительственными органами, отдать себя в полное распоряжение правительства.

Председатель. — Что значит: взяли на себя обязанность? Взять на себя обязанность не есть действие.

Хвостов. — То-есть они стали иначе писать, иначе действовать; стали подбираться, чтобы войти в это общество.

Председатель. — То-есть к чему они стали подбираться?

Хвостов. — Ни к чему не подбираться. Они стали подбирать такой состав работников, чтобы им было удобнее.

Председатель. — Что же, эти люди и эти органы печати существовали тогда?

Хвостов. — Они существовали тогда. Новых людей не изобретали и изданий новых не изобретали. Кинематографические разные заведения, киоски частью приобретались.

Председатель. — Что значит — приобретались киоски?

Хвостов. — Право торговли на разных железных дорогах приобретали заведомые агенты правительства.

Председатель. — У кого? У правительства?

Хвостов. — У железных дорог.

Председатель. — Но ведь железные дороги принадлежат правительству. Правительство в праве отдать тому или другому, а не третьему. Вы говорите, что давали большие деньги на то, чтобы они приобретали киоски?

Хвостов. — Есть частные железные дороги, не правительственные; деньги давали за то, чтобы Иван или Петр перешибал на торгах или так или иначе устраивал, чтобы в его распоряжении оказались киоски, чтобы он сделался арендатором киосков.

Председатель. — При этом, вы не можете назвать ни Ивана, ни Петра, ни Сидора?

Хвостов. — Я считаю, что раз я привлекаюсь в качестве обвиняемого по этому делу, то я пользуюсь своим правом, в качестве обвиняемого, считать, что с моей стороны правильно будет не называть, в виду того, что мне претит всякое предательство. Может быть, я ошибаюсь.

Председатель. — То-есть, вы организовали шайку преступников и называете предательством выдачу шайки этих преступников?

Хвостов. — Да, с точки зрения существующего строя, но с точки зрения того строя, которому я служил, это не были преступники.

Председатель. — То-есть вы ставите себя в такое положение: когда жандармский офицер последнего охранного отделения расходовал деньги на так называемых секретных сотрудников, то он представлял оправдательный документ; вы же, бывший министр внутренних дел, ставите себя в положение худшее, чем последний из ваших бывших подчиненных, который все-таки отчитывался в этих деньгах.

Хвостов. — В каждой копейке я отчитывался неопровержимыми актами.

Председатель. — Какими вы неопровержимыми актами отчитывались?

Хвостов. — Я отчитывался отчетами, с представлением подлинных расписок.

Председатель. — Этих самых людей?

Хвостов. — Да.

Председатель. — Вы не чувствуете моральной потребности теперь, когда утверждаете, что эти расписки сожгли, дать указание для того, чтобы проверить, действительно ли вами были израсходованы деньги? Мы — люди взрослые, Алексей Николаевич, и вы не можете не понимать, что на вас таким образом падает подозрение даже не в денежной растрате, а в присвоении этих денег.

Хвостов. — Я знаю, на меня падает очень тяжелое подозрение.

Председатель. — И вы не склонились под тяжестью этого падающего подозрения?

Хвостов. — Не склонился потому, что, по моему убеждению, всю массу людей, которые, собственно, ничем особенно не виноваты, опять тащить сюда...

Председатель. — Если они не виноваты, почему же их не тащить сюда?

Хвостов. — Нет, с точки зрения теперешней они виноваты.

Председатель. — То-есть, с какой точки зрения они виноваты? Какой закон они нарушили?

Хвостов. — Тогда, по-моему, никакого.

Председатель. — Так что это не преступники с точки зрения закона?

Хвостов. — Да, закона того времени. А с точки зрения теперешнего — преступники.

Председатель. — Значит, это не формальные преступники, а моральные, так сказать, преступники?

Хвостов. — Я не знаю, как считают теперь, но знаю, что эти люди за деньги обязывались чем-нибудь служить правительству.

Председатель. — Если правда, что они обязывались за деньги служить правительству, теперь на карту ставится ваша честь, ибо на вас падает подозрение в корыстном преступлении; неправда ли? Вы не желаете, для того, чтобы снять с вас подозрение, чтобы была установлена правда относительно этих людей, которые, по вашим словам, за деньги собирались что-то сделать?

Хвостов. — В этом отношении я не хочу просто выдавать сорок или пятьдесят человек, которые несомненно пострададут. *Председатель.* — В каком отношении пострададут?

Хвостов. — Их будут судить.

Председатель. — Вы сами только-что признали, что они никакого закона не нарушили.

Хвостов. — Теперь их будут судить с точки зрения теперешнего закона и всячески шельмовать.

Председатель. — Вы сказали, что с точки зрения существовавшего закона они не виноваты?

Хвостов. — Да, но с точки зрения теперешнего их будут шельмовать и будут судить.

Председатель. — Так что вы, по вашим словам, скрываете и укрываете представителей существовавшей тогда печати, которая согласилась за полученный от вас миллион, из которого, по вашим словам, у вас ничего не осталось, писать в пользу правительства, когда будет предвыборная агитация?

Хвостов. — Кроме представителей печати, еще и другие представители изданий, представители кинематографических предприятий и представители или арендаторы некоторых киосков.

Председатель. — И вы, министр внутренних дел, дали этим людям 1.000.000 рублей за эти будущие действия?

Хвостов. — За их обязательство действовать.

Председатель. — В будущем?

Хвостов. — Не столько в будущем, а за то, что в то время они начали действовать, а потом составили кадры, которые должны были стать хозяевами этого акционерного общества. Они составили такие кадры.

Председатель. — Это касается 980.000 рублей. Теперь, что вы изволили сделать с второй суммой — 320.000 рублей?

Хвостов. — Первые были направлены на партии средней руки, если можно так выразиться.

Председатель. — То-есть?

Хвостов. — Людей средних.

Председатель. — Так что, значит, этот миллион получили не крайние правые и не крайние левые, а средние?

Хвостов. — Ни крайние правые ни крайние левые.

Председатель. — А представители средних, буржуазных, скажем, либеральных течений?

Хвостов. — Различных течений там были.

Председатель. — Ну, а кто получил 320.000 рублей?

Хвостов. — Крайние левые, кроме большевиков, конечно, которые совершенно отрицают; во всяком случае, к выборному делу они прежде отрицательно относились. К выборам в Государственную Думу.

Председатель. — Никогда не слышал.

Хвостов. — Так мне казалось, что они отрицательно относятся. Во всяком случае, они не были. *Председатель.* — Значит, вы подкупали не большевиков?

Хвостов. — А вот, частью правых, частью левых партий. Мне казалось, достаточно было взять... Тут, между прочим, велись переговоры, впоследствии осуществленные, о приобретении «Нового Времени»; в сущности, не приобретения, а влияния.

Председатель. — Мы спрашиваем не о том, что велись переговоры. Мы спрашиваем о том, куда вы истратили.

Хвостов. — Я хотел сказать, что сумма 980.000 рублей — не есть огромная сумма для 15 или 16 предприятий, если одно «Новое Время» обошлось в 800.000 рублей.

Председатель. — То-есть вы из этих 980.000 рублей дали?

Хвостов. — Нет.

Председатель. — Значит, вы, как пример, говорите?

Хвостов. — Я говорю, как пример; если для того, чтобы получить влияние на один орган печати, надо 800.000 рублей, то на 15 разных других органов расход этот является грошовой расценкой.

Председатель. — Вы сделали маленькое добавление к вопросу о том, куда изволили девать 980.000 рублей. Теперь, 320.000 рублей вы изволили истратить на крайних левых и на крайних правых, кроме большевиков?

Хвостов. — И кроме лиц, совершенно посторонних, которым были выданы из этого фонда несколько тысяч рублей; пять, шесть, восемь, я не помню; совершенно посторонним, там несколько человек получили. Мы имели разрешение выдавать из секретных фондов, когда не хватит. На переезд своему чиновнику, на его обзаведение, я не знаю. Главным образом, на воспитание детей и на переезды они были истрачены. Когда испросишь разрешение из секретного фонда, он скажет: «Конечно, выдайте». Из секретного фонда департамента полиции делались выдачи, например, Явленскому на представительство, в виду того, что жизнь в Могилеве дорога; так и тут выдавалось. Я помню, 1.000 рублей выдана была Ивановскому, человеку, обремененному семейством. Люди чуть ли с голоду не умирают. Говорят — выдайте из секретного фонда. Так и тут было, перед уходом; несколько тысяч было выдано бедным людям, которые очень нуждались. Но это — с разрешения свыше, которое заранее мне было дано.

Председатель. — Позвольте, эти деньги были вам даны на то, чтобы вы расходовали их на выборы в 5-ю Государственную Думу?

Хвостов. — Да, не очень определенно.

Председатель. — Теперь мы касаемся 320.000 рублей, которые вы израсходовали за январь или февраль, ибо 3 марта вы ушли. Кроме этих денег, у вас есть суммы в распоряжении департамента полиции и рептильный фонд. Целый ряд безотчетных сумм, которые не были израсходованы в течение двух месяцев. Какая же вам была нужда расходовать из сумм специального назначения, когда имеются другие суммы?

Хвостов. — Просто, перед моим уходом, оставалось несколько тысяч, которые я обещал людям. Я вспомнил, и в виду того, что те фонды перегружены известными выдачами благотворительного характера, было выдано несколько тысяч отсюда. Я вам с точностью могу переименовать людей, которым выдавалось из этих тысяч, так как это совершенно не касается цели выборов; я могу их переименовать совершенно свободно. Было выдано Ивановскому 1.000, чиновнику министерства внутренних дел Комиссарову, вице-губернатору, который тоже без всяких средств, было выдано на переезд, так как он жаловался, что проезд съел все его личные средства. Потом Федорову, одному вице-губернатору. Потом Ламзину, бывшему жандармскому офицеру, который очень бедствовал, и Каменеву.

Председатель. — Всем по тысяче?

Хвостов. — Этим было выдано по тысяче.

Председатель. — Теперь, куда девались 315.000 рублей в течение января и февраля?

Хвостов. — 315.000 рублей? Я могу сказать, что они были выданы вправо и влево.

Председатель. — То-есть как? Направо и налево выдавались?

Хвостов. — Нет, они выдавались как там — органам печати, газетным органам и издательствам, так тут было выдано налево около 200.000 рублей. Сейчас я вспомнить не могу. Приблизительно так, меньше, может быть, немного, а, может быть, такая же сумма и направо.

Председатель. — Направо — сто двадцать тысяч, а налево — двести тысяч?

Хвостов. — Меньше двухсот тысяч это было дано, я теперь вспомнить в точности не могу. Я говорю принципиально, что почти пополам, направо — немного меньше, налево — больше.

Председатель (показывает бумагу). — Это тот самый отчет, который вы изволили представить бывшему государю?

Хвостов. — Это — конспект при отчете; только не припомню в точности цифры.

Председатель. — Что называется конспектом к отчету?

Хвостов. — Делалось так: представлялся всеподданнейший доклад, к нему прикладывалась отчетность, подшивались расписки и т. д.; но так как трудно было копаться в этих расписках, то из них делались выборки, которые прикладывались, как конспект, к этому же отчету; суммировались отдельные расписки в общую сумму, ставилась общая цифра — сто пятьдесят — двести тысяч, сколько выходило.

Председатель. — Оглашается документ, который называется не конспектом, а отчетом по израсходованию 320 тысяч рублей за январь и февраль и который сверен в подлинности чиновником особых поручений V класса при министре внутренних дел Граве и датирован 8 марта 1916 года. Документ гласит следующее: «Январь. 4 января, 1916 года, члену Государственной Думы Т. Г. Замысловскому на деятельность правых организаций — 50 тысяч, 20 января 1916 года — члену Государственной Думы Н. Е. Маркову на расходы по поддержанию правого дела 50 тысяч. Негласным сотрудникам за январь — 20.000. Февраль. 24 февраля 1916 года, в целях, известных правительству, члену Государственной Думы П. А. Барачу — 30.000 рублей. За январь и февраль, по делам по подготовке выборов и по направлению рабочего движения — 130.000 рублей. Б. В. Писаренкову для перевода орловскому губернатору Арапову, в целях, известных правительству, — 15.000 рублей. Выдачи отдельным лицам — 5 тысяч рублей. Наконец, негласным сотрудникам за февраль — 20.000 рублей». Таков был ваш конспект?

Хвостов. — Приблизительно конспект был такой.

Председатель. — То-есть, вы думаете, что Граве, состоя чиновником V класса, не смог даже сверить конспекта?

Хвостов. — Он мог ошибиться. Брать на себя всякую его строчку я не могу.

Председатель. — Вы изволили сказать, что эти деньги требовались на подготовку к выборам? Чем объясняется, что тут сказано: «На надобности правых организаций, на расходы по поддержанию «правого дела», то-есть, значит, на цели, которые ничего, непосредственно относящегося к выборам в Государственную Думу, не имеют?

Хвостов. — Нет, имеют непосредственную связь. Хотя я за давностью времени за это не ручаюсь, но думаю, что так.

Председатель. — Кто писал конспект?

Хвостов. — Это было предоставлено тому лицу, которое вело делопроизводство.

Председатель. — Кто же это лицо?

Хвостов. — Один из секретных сотрудников.

Председатель. — Но ведь он вел, делопроизводство?

Хвостов. — Я сам не мог бегать по газетам, по издательствам и собирать. Это делало то лицо, которое вело переговоры о приобретении нужных нам издательств.

Председатель. — Вам лучше бы не говорить про это лицо, что оно бегало по газетам и издательствам, а сказать, что это делопроизводитель.

Хвостов. — В делопроизводстве нет ничего предосудительного. Я не мог поручить человеку, не связанному тайной, вести такое делопроизводство.

Председатель. — Так что у вас и канцелярия и делопроизводство были покрыты тайной?

Хвостов. — Конечно. Самое заглавие документа это показывает. Даже сказано: «На цели, известные верховной власти».

Председатель. — Но что же преступного в моральном или даже в положительном смысле делала эта канцелярия, что вы не можете открыть ни одного ее чина?

Хвостов. — Освещение таких документов, которых человек непосвященный не мог бы даже знать.

Председатель. — Канцелярия знает то, что он пишет, так что он не преступник ни морально ни формально.

Хвостов. — Я не мог ни одному человеку, не преступнику, с вашей точки зрения, открыть даже, что есть такой документ, как данный: «на цели, известные его величеству».

Председатель. — Так что у вас была конспирирована и вся канцелярия?

Хвостов. — Не вся канцелярия, а человек, который вел это делопроизводство.

Председатель. — Вы конспирируете лиц, но, может быть, помещение этой канцелярии вы не станете конспирировать и скажете, где она находилась?

Хвостов. — Это ясно.

Председатель. — Так что конспирируется и помещение. Теперь скажите — эти задачи, с вашей точки зрения, если не преступные, то безнравственные, делились на две группы. Одна — деньги для крайних левых, другая — для крайних правых. Чем объясняется, что крайних правых вы не конспирируете (здесь это есть), а крайних левых, кроме большевиков, вы конспирировали?

Хвостов. — Очень просто, — я мог сам передавать крайним правым.

Председатель. — Я интересуюсь тем, что было, а не тем, что могло быть.

Хвостов. — Крайним правым я передавал сам, а левым — **давал** через посредствующие инстанции.

Председатель. — Так что вы имели сотрудников, которые тоже имели сотрудников. И все они были — негласные лица?

Хвостов. — Несомненно. Теперь мне ставится в вину то, что в конспекте указывалась фамилия Замысловского. Он был допрошен, он отказался от этого, и мне это ставится особым пунктом обвинения; так что я не подтверждаю и не указываю, что это верно, что выдавалось Маркову, Барачу и Замысловскому. Теперь мне ставят в вину только Замысловского, а если откажется Марков — поставят Маркова, откажется Барач — поставят Барача.

Председатель. — Так что вы не утверждаете, что Замысловский, Марков и Барач получали по 50 тысяч?

Хвостов. — Я думаю, Комиссия в этом не сомневается.

Председатель. — Мыслей Комиссии вы не читаете.

Хвостов. — Признавая это, я беру на себя только лишний пункт обвинения.

Председатель. — Алексей Николаевич, щадя себя, чтобы лишних пунктов обвинения не получить, или щадя этих лиц, о которых вы так заботитесь, вы не говорите этого? С целями альтруистическими или эгоистическими?

Хвостов. — С теми и другими. С целями альтруистическими — по отношению к ним, и щадя себя. Мне поставили в вину, что я упомянул Замысловского. Разрешите мне сказать об юридической стороне вопроса.

Председатель. — Пожалуйста.

Хвостов. — Вы изволили сказать, что это затрагивает мою честь. С моей точки зрения, мою честь не затрагивает ни капли вопрос об израсходовании этих сумм. С моей точки зрения, моя честь вполне ограждена теми неопровергнутыми документами, которые здесь имеются.

Председатель. — Которых здесь не имеется.

Хвостов. — То-есть, которыми я считаю акты высочайшего утверждения этих отчетов императором.

Председатель. — Вы говорите о знаке, который, кажется, на бюрократическом языке называется знаком рассмотрения и является своего рода индульгенцией?

Хвостов. — Безусловно. Я это считаю знаком рассмотрения, оканчивающим дело; все выдачи и расходы этим знаком заканчивались. То, что написано, что это рассмотрено, показывает, что оно было рассмотрено и признано правильным. Если бы это был просто знак прочтения, то таких знаков было бы несколько, а на каждом всеподданнейшем докладе только раз бывает знак рассмотрения; этим заканчиваются, как вы изволите знать, многие дела.

Председатель. — То-есть знаком рассмотрения?

Хвостов. — Я называю этот знак рассмотрения — актом утверждения. Я считаю долгом сказать, что таких отчетов мною подавалось два: первый отчет подавался мною к 1 января. Мне сказали, что нужно к 1 января во всех суммах подавать отчет, и я считал необходимым подать и этот отчет, хотя нельзя применять к этим суммам общее правило. Способы контроля и отчетности устанавливались только признанием или непризнанием верховной властью, что отчет составлен правильно. В данном случае мною был подан этот отчет в тот момент, когда я стремился к власти председателя совета министров, и в конце декабря уже был близок к этому; только в январе произошли обстоятельства, которые этому помешали. Если взять психологически: первый мой отчет бывшему императору, до этого я никогда отчетов не подавал, я не знаю способов проверки, не знаю, будет ли поручено какому-нибудь адъютанту на выдержку проверить эти документы и материалы (тогда бывший император этим делом и всем построением этой акционерной компании интересовался); неужели в первом отчете я стал бы предъявлять подложные документы или данные без надлежащих расписок? Мне нужно было подать так, чтобы заслужить доверие для премьерства. Если считать меня человеком, способным обокрасть правительство и т. д., я бы мог обокрасть из третьего, четвертого или пятого миллиона, а не из первых 980 тысяч, которыми мне

нужно было заслужить доверие, щегольнуть, так сказать, этой отчетностью. Второй отчет был представлен в момент, совершенно обратный первому, когда надо мною производилось следствие по делу Ржевского. У меня была отнята всякая власть, даже всякая возможность распоряжаться департаментом полиции. Манасевич-Мануйлов производил обо мне расследование. В этот момент, когда меня не принимали ко двору, когда меня искали, чтобы изобличить в убийстве, когда Распутин допрашивал свидетелей, когда жандармы вскрывали мои письма, когда жандармская полиция производила обыски у своего шефа, когда я был оставлен всеми и одинок, когда мне говорят, что я должен подать в отставку и представить доказательства правильности всех сумм, бывших у меня на руках, в этот момент я подаю второй отчет. Если бы я в этом втором отчете допустил хотя одну неправильность, хоть черточку неправильную, неужели Штюрмер, который возил этот отчет, который его контрассигнировал, то-есть писал, что он рассмотрен в его присутствии, — неужели же бы он не ухватился за малейшую черточку, за малейшую неправильность этого отчета? Я вчера обратил внимание судебного следователя и прошу также Комиссию обратить внимание даже на редакцию этого отчета. Может быть, вы разрешите посмотреть редакцию этого второго всеподданнейшего отчета? (Председатель показывает.) Он писался в такой тяжелый момент. Я не скрываю об этом отчете, — если бы было что-нибудь неправильное, так я хотел бы прошмыгнуть. Если на первом отчете нужно было заработать доверие правильностью его, то второй отчет должен был быть правильным из сознания, что надо мною производится следствие. К счастью, не я возил второй отчет. Если бы я возил, можно было бы сказать, что я околдовал, подсунул; но этот второй отчет возил Штюрмер, и при нем этот отчет просмотрен. Неужели же бы он повез обложку или конспект?

Председатель. — Он повез то, что называется отчетом, и то, что упоминается в этой бумаге. В той и в другой бумаге упоминается не о конспекте, но и не о документах, а упоминается об отчете, и та бумага, относительно 320.000, которая, по вашим же словам, была приложена, тоже называется отчетом.

Хвостов. — Я знаю, что подлинные расписки и вообще все подлинное, что было представлено по этому делу, представлено так же, как и конспект, который был вложен.

Председатель. — Я никогда не встречался в деловой работе с тем, что когда подается отчет, документы посылаются при каком-то конспекте.

Хвостов. — Конспект нужен, чтобы не рыться; подводится общий итог, даже в частном деде так делается.

Председатель. — Пишется не общий итог — 320 тысяч, а пишется до этого итог отчетов об израсходовании.

Хвостов. — Прикладывается при этом конспект. Почему такая форма? Почему государь поставил свой знак на этом? — Потому, что это — секретный документ и подлежит уничтожению, а другой остается оправдательным документом для лица, которому была ассигнована известная сумма. Раз мне было ассигновано 1.300.000, это является для меня оправдательным документом; что я их не взял себе, что они

были израсходованы на нужды, известные его величеству, и его величеством было признано, что они израсходованы правильно.

Председатель. — Вы передали какие-нибудь суммы Штюрмеру, передавая ему должность министра внутренних дел?

Хвостов. — 200 тысяч. Я не взял из этого кредита 200 тысяч, которые остались неизрасходованными.

Председатель. — Тех вы и не взяли, потому не могли и передать; а то, что вы взяли и передали?

Хвостов. — То, что я взял, того я не передавал, а 200 тысяч я мог взять, но не взял, потому что они не понадобились, и зачем их брать и передавать Штюрмеру?

Иванов. — При каком, вы говорите, приложении была эта препроводительная бумага?

Хвостов. — Был такой же лист, и в этот лист были вшиты расписки.

Иванов. — Это отчетность, а не отчет. Я хотел бы знать, что вы понимаете под словом отчет? Вы говорите, что представили на благовоззрение отчет, а оправдательные документы, это — отчетность. Подавая отчет, что вы прилагали?

Хвостов. — Конспект и оправдательные документы.

Иванов. — Значит, отчета не было, а была отчетность?

Хвостов. — Мы считали отчетностью.

Иванов. — Только оправдательные документы?

Хвостов. — Оправдательные документы, плюс конспект.

Иванов. — Я хочу себе уяснить. Ведь в отчете должно быть указано не только, кому было выдано, а и для какой цели было выдано. Расписка в получении не свидетельствует о том, для чего получено; я могу расписаться, что я получил от вас 50 тысяч, а на что получил?

Хвостов. — В расписках было указано на что, на какую работу.

Председатель. — На какую же работу там было написано?

Хвостов. — Для приобретения такой-то типографии, для такой-то надобности. — «Получил от министра внутренних дел такой-то, столько-то, для приобретения такой-то типографии» — такие были расписки.

Иванов. — Разве это сотрудники? Это — комиссионеры по приобретению. Вы говорили, что вы приобретали сотрудников или агентов, которые должны были войти участниками в акционерное общество?

Хвостов. — Они представляли расписки и отчет в выданных им суммах. Там приложены двойные расписки в получении, что получено ими от такого-то столько-то.

Иванов. — Все это сожжено?

Председатель. — Что же здесь показывается? — Что человек получил на приобретение типографии, скажем, 50 тысяч. Между тем, если бы вы признали, что, положим, Петр Петрович, получил 40 или 50 тысяч на приобретение типографии, то мы бы его спросили, где эта типография, или чтобы он отдал деньги, если ее нет; таким образом, деньги русского народа, в которых Россия так нуждается, были бы сохранены. Как в этом вашем примере обстоит дело с вашей идеей укрывательства этих лиц? Почему укрывать человека, который от вас получил 40 тысяч на типографию, и с которого мы могли бы потребовать эти 40 тысяч или типографию?

Хвостов. — Если имя этого человека таково, что он не должен входить в соприкосновение с министром внутренних дел, а он получил 40 тысяч на типографию.

Председатель. — Что это значит?

Хвостов. — Человек другого уклада, другой партии является к министру внутренних дел и говорит: — «Приобретите такую типографию». — «Для чего?» Оказывается, для специальных целей министерства внутренних дел.

Председатель. — Вы рассказывали нам, что вы искали отношений с Думой; вы неоднократно звонили Родзянке по телефону, вы хотели опираться на Думу, на людей средних общественных течений; отчего же вы, желающий опираться на Думу и общественность, вы, министр, позорите человека, которому дали деньги, чтобы он помог хорошему министру в его хорошей политике?

Хвостов. — Крупенскому было выдано на продовольственную лавочку 20 тысяч.

Председатель. — Ничего позорного тут нет. У нас имеется свидетельское показание лица, которое присутствовало при этом разговоре.

Хвостов. — Ему пришлось выйти из членов Государственной Думы.

Председатель. — Не за эти ваши 20 тысяч, а за многие другие деяния.

Хвостов. — Напечатано было, что постановлено исключать каждого, кто получил хоть копейку от правительства. Я безусловно считал этот документ актом утвержденным, который ставит меня в безопасное положение; но в это время Штюрмер был назначен; между нами установились очень недоброжелательные отношения; он всегда ко мне недоброжелательно относился, и я тоже; но особенно это было — в момент следствия надо мною. В конце концов, отношения у нас сделались весьма натянутые, неприязненные до натянутости. Вот я и говорю причину, почему я уничтожил эти документы. Когда он приехал для того, чтобы я сдал ему должность, первое, что он потребовал, чтобы ни одного документа не оставить.

Председатель. — Это вы изволили сказать?

Хвостов. — Я думаю, он этого не отрицает. Тут пришлось вынимать различные документы из всех шкафов, какие у меня были. Некоторые он брал к себе, особенно о Распутине; главный интерес был к распутинским документам. Все это тут же сожглось, потом — перешли к этому вопросу.

Председатель. — Почему вы перешли к этому вопросу?

Хвостов. — Я считал долгом посвятить его. Он еще раньше был посвящен отчасти в план выборной кампании, но не подземной ее части, а надземной, то-есть именно идеи организации этого общества; при чем мною посылался один чиновник, Бафталовский, для того, чтобы посвятить его, чтобы хорошенько изложить и доказать ему правильность этого общества. Секретное тут было только одно — эти кадры тайные, которые должны были там действовать.

Председатель. — Простите, Алексей Николаевич; вы держите имена в секрете от нас — представителей новой власти; но какое же у вас было основание держать их в секрете от министра внутренних дел, которому вы сдавали должность, с которым вы, вероятно, выработали эту идею, который должен был, вероятно, продолжать это дело?

Хвостов. — Вот тут мы с ним говорили об этом. Мы сначала сговорились так, что обменяемся с ним. Первый акт, утвержденный, который я возил, он мне дает в подлиннике, а себе оставляет копию. Второй акт, утвержденный, который он возил (отчетность, которую я не возил, которая утверждена 5 марта, а я был до этого уволен), в подлиннике остается у него, а копия выдается мне. Он стал говорить, что мой проект ему не особенно подходит, что устраивать выборы через это акционерное общество ему не улыбается. — «Вообще я это рассмотрю, подумаю, как с этим быть и что из этого выйдет». Во всяком случае, план выборов я ему передал, весь этот проект. Теперь — настал момент относительно расписок. Каждый министр, покупавший тех или других людей, если он должен уйти со своего поста, как должен поступить? Эти люди, газеты или учреждения, они ведь, в сущности, продаются такому-то носителю власти лично; может-быть, они доверяют мне, как священнику на духу, какие-нибудь предприятия, лица, которых я так или иначе сумел добыть в свое распоряжение; могу ли я спокойно и свободно передать их моему заместителю, обязан я или нет?

Председатель. — Так что вы эту живую собственность покупали на государственные деньги, кажется, даже не в собственность государства, а в свою личную собственность?

Хвостов. — Нет, я себе лично их не покупал, но я передал все, что касалось общего плана, Штюмеру. Он посмотрел и сделал себе выписки того, что его интересовало. Он сделал себе некоторые выписки имен тех, кто был куплен; а что касается этих подлинных отчетов, он согласился вполне со мною (в тот момент, по крайней мере), что их можно сжечь, что я имею право, в его присутствии их сжечь. Он осмотрел некоторые списки, некоторые его заинтересовали, и он их себе выписал и, так сказать, имел в виду; потом мы решили сжечь отчетность, как уже использованную, дабы она не появилась как-нибудь в газете «Речь», что мы считали тогда опасным, потому что о выдаче из рептильного фонда за неделю перед этим там появилась заметка, что являлось крайне неприятным. Если неприятно появление заметок о выдачах из рептильного фонда, которым поддерживаются исключительно правые издания, то было бы еще неприятнее, если бы появилась заметка в той же газете из этой выписки; вероятно, это могло бы сделать подрыв всего, всех этих выборов.

Председатель. — Почему так близки были вашему сердцу левые и так холодны вы были к правым?

Хвостов. — Потому что о выдачах из рептильного фонда на газету «Земщина» всем было известно; это не составляло даже секрета.

Председатель. — Вы говорите, что это было бы еще с полбеды, но беда была бы, если бы появилась заметка о левых изданиях?

Хвостов. — Тогда сейчас же последовал бы полный крах всего этого дела.

Председатель. — Вы говорите, что Штюмер мало интересовался этим делом?

Хвостов. — Мне так показалось. Он говорил, что пойдет другим путем; опираться на это акционерное общество он не желал. Он говорил, что есть другая система, нечего тут действовать через литературу, а нужно по старинной системе проще вести выборы: простым личным соглашением, а не путем отдельной газетной пропаганды и газетных влияний. Здесь мы с ним вместе порешили, самым определенным образом, с его согласия, что одновременно с теми документами будут сожжены и эти документы, как документы ушедшего министра внутренних дел, которые нового министра внутренних дел не касаются.

Председатель. — Я в первый раз слышу, чтобы при передаче должности жглись документы, которые уходящему министру казались имеющими значение и хранились, а министру, вновь вступающему, могут и не понадобиться.

Хвостов. — Это очень часто делается; одному министру кажется интересной одна сторона дела, другому — другая; главным образом, базировались мы на том, что эти документы, уже после утверждения государем, перестали быть документами; что это — просто приложения, которые могли бы понадобиться, если бы это подлежало контролю. Другое дело, если бы кто-нибудь в мире мог контролировать; но тогда никто не мог ожидать, что в этом отношении будет контроль. Закона никакого по этому поводу нет. Было чувство, которое заставило охранять их от напечатания. Нигде такого правила нет, чтобы они до такого-то времени сохранялись.

Председатель. — Так что Штюмер согласился на то, чтобы их уничтожить?

Хвостов. — Он согласился уничтожить. Ему это совершенно не нужно было. Я должен доложить Комиссии, что так было поступлено с документами, касающимися выборов в предшествующую Государственную Думу. По крайней мере, в министерстве внутренних дел их не было; я спросил, желая видеть на примере, как это делается, к кому обращаться в таких случаях, и мне было объявлено, что все эти документы уничтожены. Раз уничтожил Столыпин. Может быть, они увезены были, я не знаю, но их не было в министерстве внутренних дел. Может быть, тоже не были оставлены в министерстве внутренних дел документы Макарова по выборам. Я считал, что, раз отчет получил утверждение государя, всякая такая расписка является моим оправдательным документом; я не знал после того, как было утверждено, сколько времени нужно хранить в министерстве — два года, три года.

Председатель. — Разве так трудно их хранить?

Хвостов. — Они могут попадать в печать, а документы — секретнейшие.

Председатель. — Если попадают документы о рептильном фонде, из которого выдают чиновникам, это другое дело; но Штюмер, кажется, сотрудником «Речи» не состоял. Мы знаем, что дело Малиновского годами хранилось в департаменте полиции; вероятно, Штюмер имел способ и возможность хранить их совершенно секретно?

Хвостов. — Но выборных дел нигде не хранили.

Председатель. — После выборов, когда выборы произведены?

Хвостов. — Если тот же самый министр, — обыкновенно так было. Столыпин вел выборы, и все при нем было закончено. При Макарове — то же самое закончено, поэтому они оставались; но я считал, что дела о выборах такая секретная вещь, что их необходимо уничтожить, после того как последует утверждение, несмотря на то, что такие дела, как дело Малиновского, оставались в делах департамента. Точно также относительно рептильного фонда: после утверждения государем эти расписки рептильного фонда уничтожаются каждый год. Я не вижу никакой разницы.

Председатель. — За исключением той, что подобные списки лиц, получивших из рептильного фонда, сохранены и имеются в нашем распоряжении; и относительно траты денег по Харузинским выборам — тоже сохранились.

Хвостов. — В министерстве внутренних дел их не было.

Председатель. — Переписка уничтожалась, а денежные документы хранились?

Хвостов. — Я не знаю; в министерстве внутренних дел денежных документов не было; очевидно, они были взяты Харузиным, я в министерстве их не нашел. Я бы был очень благодарен, если бы они были где-нибудь в министерстве.

Иванов. — Не будете ли любезны, все-таки, выяснить мне мое недоумение: предполагалось организовать акционерное общество на коммерческих началах, очевидно, предполагались акции и т. д. Вы изволили указывать на то, что выдавались деньги на приобретение типографий, киосков и т. д., то-есть имущества. Для меня непонятно, каким образом, при передаче следующему за вами министру, который должен был продолжать дело, вы уничтожаете документы: и, таким образом, лишаете возможности осуществить цель, к которой вы стремились?

Хвостов. — Я говорю, типографии не приобретались.

Председатель. — То-есть вы давали деньги на то, что он будет приобретать?

Хвостов. — Что он будет давать в распоряжение; что он продан.

Председатель. — Типография не есть нечто невесомое, это вещь совершенно реальная; будет ли это дело продолжаться Штюмером или оно будет ликвидировано, все-таки она материально должна сохраниться.

Хвостов. — Я должен доложить, что не было такого договора, что типография икс приобретена со своими машинами, а хозяин типографии говорил так: ели вы мне дадите 50 тысяч или 30, то я обязуюсь, что эта типография будет в распоряжении министерства внутренних дел, в случае, если министру внутренних дел понадобится.

Председатель. — Простите, у типографий нет направления. В одной и той же типографии печатаются в Петрограде «Земля и Воля» и издания правительствующего сената, также — «Новое Время» и «Новая Жизнь». О чем вы говорите?

Хвостов. — Те, или другие издания выгнать вон, а эти наоборот — принять; одним словом, тут услуга, а не реально, что машины куплены или что-нибудь другое.

Иванов. — Значит, это было обязательство выполнить известную услугу. Все-таки, уничтожая расписку, вы этим лишаете возможности воспользоваться услугой, и, значит, эти деньги пропадают.

Хвостов. — Дело было так, что Штюрмер сделал себе выписки того, что нужно; но он не мог шантажировать и сказать: «Ты будешь мне служить, потому что на тебя есть расписка». Вот, собственно, чего я не хотел, чтобы он мог это делать, и вот почему мне не хотелось, чтобы эти расписки у него в руках оставались. Мне казалось, что, собственно, сотрудничество в этом деле хорошо, когда оно добровольное, когда оно обеим сторонам выгодно, и той, которая купила, и той, которая продается; чтобы это не было так, как жандармы делали с человеком, который раз попался в силочек и с которого берут расписку в получении 25 рублей...

Председатель. — И вы брали эти расписки?

Хвостов. — ...И потом этой распиской держат его в руках. Я расписку беру, как оправдательный документ, но как силочек для моих сотрудников, она мне не нужна. Такой характер расписки мне претил, как капкан для всей дальнейшей жизни этих людей. Я у него брал расписку, как оправдательную, до той поры, пока она мне нужна. Я **отчитался**, и совершенно достаточно. Я держу человека не в капкане, а у меня известные с ним отношения.

Ольденбург. — Значит, вы удостоверяете, что у бывшего председателя совета министров, вашего преемника, есть список, во всяком случае, был список всех тех лиц, которые выдали вам расписки?

Хвостов. — Нет, не всех; он выписал только нескольких.

Ольденбург. — Я не совсем улавливаю смысл. Ведь предполагалось, что эта политика будет так или иначе вестись дальше. В таком случае, ему нужно знать, к кому обращаться.

Хвостов. — Он не хотел вести политику в таком направлении. Потом, он себе для сведения выписал несколько фамилий.

Ольденбург. — Мне не совсем ясно одно, — если он не хотел вести эту политику, значит, он этим самым признавал, что известное количество сотен тысяч народных денег выброшено вон, потому что этими лицами и типографиями не предполагается воспользоваться?

Хвостов. — Он ясно и определенно не ставил; он говорил, что воспользуется, и некоторые выписал, другие не выписал; во всяком случае, он согласился и решил, что в той или другой мере воспользуется некоторыми выписками.

Ольденбург. — Но лишил себя возможности пользоваться целым рядом других?

Хвостов. — Пользоваться можно, имея известную расписку.

Ольденбург. — Как известно, у Штюрмера память не совсем надежная; он мог и забыть.

Хвостов. — Он и сделал себе выписки.

Ольденбург. — Значит, он может удостоверить, что у него есть расписки?

Хвостов. — Я не знаю, есть ли у него, но у него были выписки. После этого Штюрмер не возбуждал никакого дела. Я после этого видался с ним через неделю, через две, через три; по крайней мере, мне лично он не говорил и, кажется, перед бывшим императором не возбуждал.

Председатель. — Потому что над ним самим нужно было возбудить дело?

Хвостов. — Он совершенно спокойно относился. Я объясняю это тем, что у нас были отвратительные отношения.

Председатель. — Если он сделал выписки с тем, чтобы в случае надобности воспользоваться некоторыми лицами и стало быть, продолжать ваши деловые отношения, то каким образом, вы, по вашим словам, по соглашению с ним, лишили его возможности, при этих продолжающихся деловых отношениях, очевидно и денежных, зачесть суммы, в получении которых те лица выдали расписки?

Хвостов. — Не зачесть, а только шантажировать этими суммами он не мог.

Председатель. — Представьте себе, он записал несколько фамилий: Петрова, Сидорова; он продолжает с ними сношение, то-есть, значит, продолжает оплачивать их; каким образом вы лишили вашего преемника, который не исключал возможности продолжения деловых отношений, зачесть эти немалые суммы,, этими лицами уже полученные?

Хвостов. — Может быть, ему не нужно было зачитывать.

Председатель. — Но, может быть, и нужно?

Хвостов. — Раз он согласился уничтожить документы, я не знаю, чем он руководствовался.

Председатель. — Согласившихся есть, по крайней мере, два лица. Почему он согласился — это мы спросим его; а почему вы согласились уничтожить расписки, удостоверяющие получения некоторых сумм лицами, с которыми ваш преемник, может быть, будет в известных деловых отношениях?

Хвостов. — Что же мне его опекать? Я не опекун, чтобы советовать то или другое. Моя цель была, чтобы не оставались эти расписки, чтобы он не мог шантажировать; во-вторых, в моих целях вовсе не было, чтобы он удачно продолжал свою политику. В моих целях, наоборот, было желание спутать ему все карты, если бы я мог, я спутал бы.

Председатель. — Почему вы не путали до конца? Почему, посвятив в одном, вы лишили его возможности зачета? То-есть вы наказывали, в сущности, не его,

которому вы открыли план, а государство, которое через него должно будет переплатить.

Хвостов. — Если он пригласит кого-нибудь из находящихся в списке и если он согласится работать, Штюрмер знает, сколько он получает.

Председатель. — Из-за вашего недружелюбного отношения к Штюрмеру — вы наказывали государство.

Хвостов. — Я хотел, если он не согласится работать для Штюрмера, чтобы у Штюрмера не было бы бича, в форме этой расписки, или мертвой петли в лице этой расписки.

Председатель. — Этот человек знал о том, что министры, бывший и настоящий, сговорились уничтожить расписку?

Хвостов. — Нет, эти люди знали; им было объявлено мною.

Председатель. — Вы им сказали, что вы уничтожили эти расписки? г

Хвостов. — Я им сказал, то-есть не всем и каждому, а тем, с кем имел дело. Когда стало известно о назначении Штюрмера, многие из них стали кидаться и метаться и говорить: «Неужели мы будем в руках Штюрмера?» Эти люди не хотели быть у него, так или иначе, в руках.

Ольденбург. — Меня очень смущает выражение, которые вы употребили два раза. Мы говорим о министрах внутренних дел; лица заключили договор с одним министром внутренних дел; если преемник этого министра имеет возможность заставить исполнить их то обязательство, которое они приняли перед его предшественником, вы называете: такой поступок с его стороны шантажем. Меня это смущает, ибо мы говорим о министрах внутренних дел российского государства; я как-то никак не могу привыкнуть к такой терминологии.

Хвостов. — Я извиняюсь за эту терминологию, но мне казалось тогда, что это есть шантаж и силок; то же, что человек, который с детства задолжает 25 рублей, даст расписку жандармскому полковнику, и его ведут всю жизнь этой распиской. Такая форма совершенно мне претила.

Ольденбург. — Но вы ведь заключили, с вашей точки зрения, для пользы российского государства договор с известными лицами. Ваш преемник мог разделять, по отношению к отдельным лицам, те же взгляды, которые имели, вы, и желал продолжить это дело, а вы лишили его возможности держать всех этих людей в руках; это — деловые совершенно отношения. Представьте, они потом явятся и скажут: «Да никогда ничего подобного не происходило»; каким путем тогда он мог продолжить дело? Это были деньги народные, а не частные.

Хвостов. — В том, может быть, и была моя ошибка, что я поддался чувству раздражения. В это время надо мною следствие велось и бабами, и Распутиным, и всеми. Кто только не был тут! Если вы посмотрите дело Ржевского, вы увидите, как вели это следствие. Тут же был Штюрмер. Мне хотелось как можно меньше дать ему из своего детища. Чем меньше я могу дать, тем лучше.

Ольденбург. — Простите, вы были не А. Н. Хвостов, а министр внутренних дел. Я думаю, что вносить в государственные дела личные отношения совершенно невозможно.

Хвостов. — Тем не менее, личные отношения всегда действуют, и тут мы вошли в некоторое соглашение с ним. Я был рад, если человек не хочет и не нужно, — слава тебе, господи. Вот чем я руководствовался, и ещё тем, чтобы поменьше ему досталось, чтобы он не мог исполнить всего плана выборной кампании, который был мною разработан. Я не знаю, упоминал ли Александр Алексеевич о том разговоре, который у меня с ним был, когда он меня спросил об этом. Я только с ним говорил, потому что мы — родственники. Третьему или пятому министру внутренних дел я не счел себя обязанным передавать, раз мой преемник вошел соглашение. Я прямо сказал, что сожалею, что это уничтожил, но я был в это время так раздражен, что готов был бы пойти в обратные партии и там вести выборы против правительства, а не за правительство. Он сказал, что это — измена и что он надеется, что изменником я не буду. Вот какой был; у нас разговор. Настолько у нас были отношения скверные, что даже такое замечание меня не удержало, и я к члену Думы Маклакову прямо пришел и предложил дать сведения, какие только есть для борьбы со Штюмером, не касаясь лично вверенных мне дел.

Председатель. — Когда вы имели разговор с Александром Алексеевичем?

Хвостов. — Незадолго перед его уходом, когда он спросил об этих документах.

Председатель. — То-есть значительно позже того, когда вы со Штюмером сожгли эти документы?

Хвостов. — Да, это было позже.

Председатель. — Вы говорите, что сожгли в пику Штюмеру, но вы жгли их вместе со Штюмером?

Хвостов. — Да, вместе; я пользовался тем, что он согласился. Я не стал убеждать его, что это может пригодиться. Если наш разговор с А. А. был об измене, это указывает на степень моего душевного настроения. Спросите Маклакова, обращался ли я с предложением по делу Милюкова, с которым я был враждебен. Я даже готов был по делу Милюкова дать разъяснения, чтобы его удовлетворить, настолько я был подавлен всем совершившимся; я решил, что то, что я делаю в пользу правительства, я должен искупить тем, чтобы дать сведения Милюкову относительно Штюмера.

Иванов. — Вы изволили сказать, что вы сожгли документы из боязни, чтобы Штюмер не шантажировал этих лиц, чтобы не наложил на них мертвую петлю и просто для того, чтобы он не мог воспользоваться этими расписками, заставить их выполнить эти обязательства, если бы он желал продолжать. Почему вы их так щадили? Ведь можно было щадить их, если бы они были вами привлечены к какому-нибудь грязному делу.

Хвостов. — Рассматривая сейчас это противное, грязное дело...

Иванов. — Значит, был подкуп на грязное дело? Значит, министр внутренних дел подкупал людей для совершения грязных дел?

Хвостов. — Тогда мне это не казалось грязным делом; а теперь я говорю, что это грязное дело.

Иванов. — Я удовлетворен.

Председатель. — Какие у вас имеются данные в связи с речью Милюкова?

Хвостов. — У меня имелись тогда некоторые данные, которыми я тогда пользоваться не стал.

Председатель. — Изложите, пожалуйста.

Хвостов. — Ко мне пришел секретарь англо-русской палаты Савицкий и дал некоторые сведения. Тут был процесс Манасевича-Мануйлова. Кроме того, здесь был французский публицист, его фамилию я за был, он вместе с Манасевичем-Мануйловым обделывал разные грязные дела. Этот самый французский публицист много знал о делах Манасевича и Штюмера: как они организовывали агентуру во Франции, не то что агентуру, а газетную... Я теперь в точности не могу вспомнить. Василий Алексеевич сообщал все эти данные, но они, кажется, не понадобились для этого процесса; потом, как Манасевич-Мануйлов шантажировал самого Штюмера; потом, как Штюмер действовал в Ярославле, в качестве губернатора, и о его знакомстве с Манасевичем-Мануйловым.

Председатель. — Это называется — данные не против Штюмера, а данные против Манасевича-Мануйлова, если он шантажировал Штюмера.

Хвостов. — Тут они вместе разные вещи проделывали. Я имел еще несколько сведений, теперь не могу припомнить; но я помню, что предложил Василию Алексеевичу некоторые сведения. Я говорю это, как показатель настроения, что довели человека, который служил самым твердым образом тому правительству, травлей Штюмера и Распутина до того, что он перешел к врагам, чтобы сказать: «Я пойду за вами, располагайте мною для будущих выборов». Ведь можно человека довести до всего. Затем еще один вопрос. В предъявленном мне обвинении, есть указание, что Протопопов, когда сделался министром, в один из первых своих докладов доложил, что у меня есть подложный документ и сказал: «Не надо возбуждать этого дела, будет скандал». Об этом будто записано со слов Протопопова Граве, или секретарем, под диктовку Протопопова, когда он возвращался из поездки в Царское или ставку. Эти данные я должен несколько осветить, они никакого серьезного значения иметь не могут. Протопопов вступил в должность после А. А., одновременно с делом Манасевича-Мануйлова. С Протопоповым я находился в высшей степени во враждебных отношениях, у него была мания преследования, ему казалось, что я преследую его какими-то документами, что я спрятал документ, отобранный при обыске у Добровольского, о его сношениях с Распутиным, о его близости к нему еще до назначения министром; ему казалось, что этот документ у меня. Кто ему сказал? Может быть, Белецкий. Повидимому, этот документ был сожжен во время общего сожжения, когда Штюмер часть документов себе оставил и часть сжег; может быть, я изъял его в

числе прочих, но я его с собой не брал, это я могу удостоверить; но Протопопов не мог мне этого простить и все время твердил, что этот документ у меня, что меня нужно обыскать, чтобы достать этот документ, что нужно назначить надзор полиции. Вот я и думаю, что он придрался к этому и доложил бывшему императору, чтобы получить право меня обыскать, чтобы поколебать меня в глазах императора. Тогда этот отчет Штюмер сам возил. Как же он мог возбуждать вопрос о подложности отчета, когда он сам его утвердил? Протопопов, на основании этого, пишет, меня не спрашивая; и остается какая-то записочка в делах секретаря, чтобы дела не возбуждать, а надо мной установить надзор, так как я мог внести в Государственную Думу запрос (что я не собирался делать) о близких отношениях Протопопова с Распутиным, на основании письма, отнятого у Добровольского. Тут ясна как причина, так и подкладка этого доклада. Я был очень удивлен, когда говорилось о каком-то помиловании. Разве можно считать это помилованием? Так можно помиловать вас, меня, кого угодно. Одним словом, Протопопов что-то сказал Граве, который записал, и потом вдруг возник вопрос, что чуть ли не какое-то помилование состоялось.

Председатель. — Из того факта, который вы изволили передать, следует, что сам император, который писал этот знак рассмотрения, не считал эту историю законченной, потому что, по докладу Протопопова, он сделал распоряжение дела не возбуждать.

Хвостов. — Это ясно; раз есть оправдательный документ, поневоле сделаешь распоряжение не возбуждать. Мало ли было у Протопопова таких докладов, которые нужно не возбуждать, не потому, чтобы не возбуждать огласки, а потому, что нельзя возбуждать, когда есть юридические доказательства, что это неправда, и, по счастью, засвидетельствованная не мной, а Штюмером.

Иванов. — Где поризводился этот акт сожжения?

Хвостов. — В служебном кабинете министерства внутренних дел.

Иванов. — К вам приехал Штюмер?

Хвостов. — Да. Все распутинские деда были вынуты из ящика.

Иванов. — Жгли в камине?

Хвостов. — Да.

Иванов. — Кто еще был? Были сторожа?

Хвостов. — Нет, мы вдвоем были.

Председатель. — Алексей Николаевич, завтра будьте любезны зайти к г-ну судебному следователю.

1. «entente cordiale» — сердечное согласие, дружба.
2. «он (т.-е. Андроников) был против Шидловского, одним словом, против всех моих назначений». — Повидимому, *надо*: «он. был против Шадурского» и т. д., так как при А. Н. Хвостове никто из Шидловских никакого видного назнач. не получил, а на пост дир. д-та общ. дел был назнач. бывш. сослуж. Хвостова по суд. вед. С. Б. Шадурский, человек чуждый Петербургу, неизвестный Андроникову.
3. «электр. общ. 1886 г.» — электр. об-во 1886 г. считалось немецким, так как большинство акционеров был герм. подданными.
4. Хвост. имеет в виду 722 ст. уст. уг. суд., разрешавшую допрашиваемому не отвечать на те вопросы, которые изобличали его в чем-нибудь преступном.
5. «Александр Алексеевич», — Хвостов А. А., — дядя допрашиваемого.
6. «Василию Алексеевичу» — Маклакову, чл. Г. Думы.
7. «после А. А.» — Ал-дра Алексеевича Хвостова.